

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1861-й годъ.

Королева Шведская умерла во время представленія комедіи; король Прусскій—свободный князь свободного народа—умеръ въ идиотизмъ. Въ прокламаціи Вильгельма I-го „моему народу“ такъ мало искренности, отчетливости и сочувствія, что, при неожиданномъ оборотѣ вещей, Пруссія можетъ передвинуться ко временамъ 1847 г. Слабость Нѣмецкаго элемента въ Австріи, усиленія котораго нельзя ожидать и отъ программы Шмерлинга, и раздробленность этого элемента въ мелкихъ Германскихъ государствахъ даютъ Пруссіи значеніе великой державы, которое она получила по милости Польши, въ раздѣлѣ которой она участвовала и слѣдовательно выравнялась съ Россіей и Римской Имперіей. Только это географическое положеніе и разрозненность Германскаго единства приподняли 16 миллионное королевство на линію великихъ державъ, съ которыми оно, при совершенномъ отсутствіи морскихъ силъ, всегда впрочемъ будетъ на второмъ планѣ и въ дѣлахъ восточной войны, и въ дѣлахъ частой осады. Въ мнимомъ покровительствѣ либеральнымъ учрежденіямъ и Нѣмецкому гению Пруссія конечно должна уступить Бадену и Баваріи, и Берлинскій университетъ никогда не скрѣпилъ бы Рейна, Помераніи и Познани; но ея крѣпость въ историческихъ событіяхъ, и они же могутъ, по новому Тильзитскому миру, привести ее къ состоянію, въ которомъ Саксонія и Вюртембергъ пначе отзовутся о Гогенцолернахъ и Бранденбургскихъ маркграфахъ. Опора и сила Пруссіи не

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“. 1910 года.

въ соперничествѣ и первостепенности, а въ лучшемъ учрежденіи союза и его представительства. Здѣсь Пруссія дѣйствуетъ односторонне и недалеко время, когда она въ этомъ раскается, и раскается она въ томъ, что поздно ввела конституцію, поздно потому, что возможное и удобно въ 1815 годахъ единство монархіи теперь рѣшительно невозможно, и не только мѣстности, но и интересы сословные, столь дорогіе Герлахамъ и Фридрихамъ IV-мъ, такъ окрѣпли и такъ мало стремятся къ центру (имъ не привычному) что Пруссійскій патриотизмъ понятенъ и возможенъ только какъ увѣренность въ защитѣ матеріальныхъ выгодъ. Безпрестанно повторяя о требованіяхъ важности и достоинства Пруссіи (пустыя предъявленія, требующія повтореній). Пруссія должна бы вспомнить, что она ничего не сдѣлала для Германіи, не отстояла даже Невштателя, не помогла Голштиніи, выдала Австріи головою Ломбардіи и (можно быть увѣрену) равнодушно будетъ смотрѣть на уступку Венеціи, и пойдетъ развѣ только къ Рейну, потому что иначе народъ потащитъ ее силою. Въ время данная конституція упрочиваетъ величіе и крѣпость государства и династій. Вильгельмъ I-й взвѣшиваетъ слово, но онъ не достаточно взвѣшиваетъ тяжести элементовъ и требованій современной жизни.

Какое ужасное положеніе сестры! Она не говоритъ, но я чувствую, что она ропщетъ на меня и готова звать Бога на судъ. Это обыкновенно. Мы или просимъ и торгуемся съ Богомъ „помилуй, подай, Господи“ или зовемъ Его на судъ: Ты зачѣмъ, Господи, отнял у меня сына? Я не говорю о милости, я прошу правосудія. Накажи меня, мнѣ 40 лѣтъ, но за чѣмъ же безвозвратно наказывать юношу?“ И справедливо. Не справедливо то, что призываютъ Бога къ отвѣту, пріучивъ людей видѣть въ правосудіи милость, въ милости одно милосердіе. Несправедливо это особенно потому, что при такихъ убѣжденіяхъ ни характеръ, ни добросовѣтность, ни достоинство человека ничего не выигрываютъ. Я бы немедленно поскакалъ къ несчастной матери, но самъ дурно себя чувствую, и холода стоятъ ужасные. У насъ до 23°, въ Москвѣ ртуть замерзла.

Въ Крыму столкнулись генералъ военный, Тотлебенъ и генералъ гражданскій Гернгроссъ, сражаясь съ Татарскимъ вопросомъ. Татары бѣгутъ, ихъ выселилось болѣе 100 т. ревизскихъ человекъ. Петербургъ радуется, генералъ-губернаторъ поощряетъ выходъ, Крымъ пустѣетъ, губернаторъ ищетъ помощи въ запрещеніяхъ, два раза представляетъ ограничить выпускъ 10% собравшихся, и не получаетъ отвѣта; а генералъ Муравьевъ, радуясь возможности заселять край Русскими, спрашиваетъ его, черезъ четыре мѣсяца, ограничилъ ли онъ

выходъ 10⁰/₀? и сдѣлалъ кличъ по Курской губерніи о переселеніи крестьянъ на полуостровъ, написалъ правила о поселеніи ихъ на владѣльческихъ земляхъ и ассигновалъ деньги на дешевую покупку Татарскихъ земель въ казну по 3 р. за десятину. Желавшихъ переселиться нашлось довольно, и партія въ 600 семействъ двинулась и прибыла къ Перкопи, заявивъ тутъ же: на владѣльческія земли ни за что не согласны. Жалобы и крики владѣльцевъ опустѣвшихъ земель и садовъ были громки и дошли до Государя. Въ это время обозрѣвалъ укрѣпленія въ Крыму Тотлебенъ, и ему Государь, по телеграфу приказалъ удостовѣриться въ причинахъ побѣга Татаръ, а между тѣмъ министерство для направленія дѣла послало Гернгросса, директора 1-го д-та м-ва. Здѣсь началась катавасія, выразившаяся въ двухъ запискахъ, представленныхъ Государю и одобренныхъ имъ. Если жалка роль, которую играетъ въ обѣихъ гр. Строгановъ, то самая жалкая роль, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Государю. Тотлебенъ описалъ, какъ тиранили Татаръ сперва чиновникъ Максимовичъ, потомъ генералъ баронъ Корфъ и отрядъ его и наконецъ распоряженія Петербургскія, во время войны, а теперь губернаторъ (генер. Жуковскій) и Гернгроссъ, объявившіе, что правительство (что Государь) считаютъ переселеніе Татаръ „счастливою случайностію *возстановленія будущаго* благоденствія Крыма“ (и все это передавалось волостямъ, самимъ Татарамъ). Тотлебенъ заключилъ, что нужно, съ 15 Декабря, остановить выходъ Татаръ, открыть владѣльцамъ кредитъ, разсрочить долги, дать широкія льготы Русскимъ и иностраннымъ (особенно Нѣмцевъ желаетъ мѣстное правительство) переселенцамъ и оказать имъ, землевладѣльцамъ, всевозможное содѣйствіе.

Гернгроссъ написалъ свой отчетъ. Онъ пересказывалъ мнѣ (самымъ смѣшнымъ образомъ) представленіе свое Государю. Разумѣется, все выставляется иначе, и распорядитель дѣлается жертвою эгоистическихъ намѣреній землевладѣльцевъ, тогда какъ онъ—устроилъ до 8 т. переселенцевъ, поправилъ оставленные дома, накупилъ 17 т. десятинъ земли, приготовилъ дрова и капусты и вытребовалъ поповъ для освященія Татарскихъ пепелищъ.

Тяжело читать, какъ Русское управленіе, даже въ лучшихъ представителяхъ своихъ (Гернгроссъ—хорошій человекъ) поступаетъ съ племенемъ, съ народомъ, отзывающимся на вопросы Тотлебена: „бѣжимъ, Воронцевъ умеръ, Татаринъ пропалъ“ и представляющимъ грустную картину побѣга подданныхъ въ страну деспотизма и бѣдности. Записки Тотлебена поверхностны, но благородны своею простотою и военною откровенностію. Самостоятельныя записки Гернгросса написаны

бойко и рельефно. Какъ на первой, такъ и на второй Государь написалъ въ „Комитетъ Министровъ“. Государь теперь на охотѣ. Я узнаю, что сказалъ Комитетъ. Но рационально-ли это такое заселеніе? Что значить этотъ скупъ земель казною? Славянофилы (Гильфердингъ) совѣтуютъ заселять Славянами; въ Америку бѣгутъ Нѣмцы и Ирландцы; многіе владѣльцы тяготятся крѣпостными. Мало-ли элементовъ!

Записка министра финансовъ *) „О настоящемъ положеніи государственныхъ финансовъ“. Затруднительное положеніе гос. казн-ва, при недостаточности обыкновенныхъ ресурсовъ онаго на покрытіе расходовъ, требуетъ изысканія способовъ къ устраненію дальнѣйшаго разстройства финансовъ и къ поддержанію государственнаго кредита. Въ 1845 г. сумма долговыхъ обязательствъ гос. каз-ва составляла 1,251 мил. а нынѣ простирается до 2,310 мил. т. е. болѣе на 1 т. миллионѣвъ, а именно:

	къ 1845 г.	15 Нояб. 1860 г.
	милліонѣвъ рубл.	
Внѣшнихъ долговъ	268	430.
Долговъ гос. казнач-ва кредитнымъ установ- леніямъ	166	310.
Билетовъ 5 ⁰ / ₀ банковыхъ	„	275.
Билетовъ 4 ⁰ / ₀ непрерывнаго дохода	„	102.
Билетовъ госуд. казнач-ва	21	108.
	<hr/>	<hr/>
	455	1,225 мил. руб.
Годовыхъ платежей по этимъ долгамъ	31	70.
Долговъ кредитныхъ установленій	564	366.
Кредитныхъ билетовъ 122, депозитныхъ 18, ассигн.	522—232	719.
	<hr/>	<hr/>
всего вообще	1,251	2,310 мил. руб.
При размѣнномъ фондѣ, въ звонкой монетѣ	59	84.
Обыкновенныхъ доходовъ по росписи	282	„

Сверхъ того правительство приняло на себя гарантію процентовъ на капиталы, затраченные по сооруженію разныхъ желѣзныхъ дорогъ и должно будетъ разрѣшить, подъ своею отвѣтственностію, выпускъ процентныхъ выкупныхъ билетовъ для облегченія развязки крестьянскаго дѣла.

*) Записка эта ходитъ по рукамъ и въ Англійскомъ переводѣ имѣется во всѣхъ посольствахъ. Мнѣ рассказывалъ это сочинитель, стас. секрет. Гагемейстеръ, которому предсѣдатель комитета финансовъ, канцлеръ гр. Нессельроде дѣлалъ за это упреки. Я получилъ ее сперва отъ эзекутора Герке, который имѣлъ ее отъ столоначальника Рогальскаго. Она читана и списана мелкими чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ то время, какъ посылалась изъ финансоваго комитета къ членамъ.

Изъ выше изложеннаго обзора видно, что правительство постоянно увеличивало свои долговыя обязательства, такъ что сумма годовыхъ платежей по однимъ процентнымъ долгамъ возрасла въ теченіи 15 лѣтъ на 39 мил. р., тогда какъ приращеніе обыкновенныхъ доходовъ составляло только 82 мил. р., безпроцентный же долгъ, заключающійся въ кредитныхъ билетахъ, увеличился въ тоже время на 487 мил. р. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ огромнаго выпуска бумажныхъ денегъ было паденіе цѣнности кредитнаго рубля, проявившееся въ повсемѣстно возрастающей дороговизнѣ на всѣ вообще предметы, которая гнететъ торговлю, останавливаетъ развитіе промышленности, потрясаетъ хозяйственное положеніе всѣхъ классовъ народа и увеличиваетъ расходы казны во всѣхъ ея операціяхъ, тогда какъ источники государственныхъ доходовъ, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, приходятъ въ истощеніе. Къ этимъ пагубнымъ послѣдствіямъ разстройства нашей денежной системы присоединился еще переводъ за границу иностранныхъ капиталовъ, между тѣмъ какъ потребность въ привлеченіи ихъ оказывается болѣе и болѣе настоятельною, въ настоящее время, для распространенія желѣзныхъ дорогъ, для учрежденія земскихъ банковъ, для выкупа крестьянскихъ земель и для устройства помѣщичьихъ хозяйствъ на вольномъ трудѣ. Но доколѣ наша денежная система будетъ оставаться въ настоящемъ ея положеніи, нельзя ожидать прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ: никто не рѣшится переводить ихъ въ Россію, пока бумажныя деньги не будутъ обращаться на равнѣ съ звонкою монетою. Такимъ образомъ отъ восстановленія достоинства кредитнаго рубля существенно зависитъ преуспѣяніе всѣхъ источниковъ народнаго богатства и съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность увеличенія государственныхъ доходовъ.

Между тѣмъ приведеніе нашей денежной системы въ надлежащее устройство встрѣчаетъ затрудненія не только по недостатку потребныхъ для того финансовыхъ ресурсовъ, но и потому, что ежегодный вывозъ изъ государства звонкой монеты на заграничныя платежи далеко превышаетъ количество добываемаго у насъ золота и серебра. Въ 1859 г. переведено за границу:

1. по внѣшнимъ займамъ	9.716,274 р.
2. На расходы по содержанію эскадръ	1.009,710 р.
3. По казеннымъ заказамъ	1.774,652 р.
4. На командировку и др. чрезвыч. расходы	948,446 р.
5. На содержаніе миссій и консульствъ, аренды и пенсіи	1.510,100 р.
	<hr/>
	14.959,182 р.

Къ сему слѣдуетъ присовокупить: на платежи процентовъ и погашеніе по новымъ 3 ⁰ / ₀ и 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ займамъ	3.250,000 р.
На переводъ за границу процентовъ по акціямъ, и облигаціямъ Гл. Об. жел. дорогъ (4,479,610 р.), а такъ же по акціямъ Рижско-динабургской и Саратов. дор. (900 р.)	5,379,610 р.
Вывозъ звонкой монеты въ Азію не менѣе	7.000,000 р.
Отъѣзжающими за границу вывезено по меньшей мѣрѣ:	20.000,000 р.
Итакъ сумма золота и серебра, выходящая изъ Россіи ежегодно, простирается уже до	50.000,000 р. ¹⁾

Количество же золота и серебра, добываемое въ Сибири и на Уралѣ, по сложности 1857—1859 гг. составляло только 23 мил. р. въ годъ²⁾. Посему на покрытіе заграничныхъ платежей недостаетъ до 28 мил. руб. Разность эта не покрывается перевѣсомъ отпуска нашихъ произведеній надъ привозомъ иностранныхъ товаровъ, если принять въ расчетъ контрабанду, не говоря уже о томъ, что при существующей у насъ потребности въ огромномъ количествѣ машинъ, пароходовъ и всякаго рода принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, отпускъ нашихъ товаровъ, остающійся въ нормальномъ положеніи, не можетъ быть достаточенъ на покрытіе платежей за всѣ эти предметы, которые Россія, по необходимости, должна выписывать изъ чужихъ краевъ, гдѣ приготовленіе рельсовъ, паровыхъ машинъ и другихъ механическихъ снарядовъ достигло высшей степени развитія и совершенства, тогда какъ производство ихъ у насъ, по дороговизнѣ чугуна и желѣза, обходится несравненно дороже.

Въ прежнее время наши заграничные платежи могли быть покрываемы отпускомъ нашихъ произведеній; ибо во 1-хъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ гораздо менѣе нынѣшняго, а потому отпускъ нашъ значительно превышалъ привозъ; во 2-хъ, по малочисленности Русскихъ подданныхъ, пребывавшихъ за границею, переводъ туда денегъ былъ не великъ; въ 3-хъ, внѣшній долгъ былъ, за 15 лѣтъ передъ симъ, на 162 мил. менѣе нынѣшняго, и въ 4-хъ, на соору-

¹⁾ По отчету „Биржевыхъ извѣст.“ Трубинкова о торговлѣ за 1859 г. сказано, что золота и серебра вывезено въ Европу 23.765,484 р., въ Азію 4.893,009 р., а привезено изъ Европы 2.797,182 р. изъ Азіи—51,173 р. Итого вывозъ превышаетъ 25.810,138 р.

²⁾ Золота добыто въ Сибири, въ 1852 г.—900 пуд. 11 ф., въ 1859—1114 п. 7 ф., въ 1860 г. 1053 п. 8 ф., въ 1861—1063 п. 34 ф.

женіе теперь устраиваемых желѣзныхъ дорогъ потребовалось уже понынѣ до 120 мил. рублей, проценты за которые уплачиваются большею частію за границую, посредствомъ перевода туда купоновъ вслѣдствіе упадка нашего вексельнаго курса.

До сихъ поръ дефициты въ заграничныхъ платежахъ были покрываемы внѣшними займами и вывозомъ звонкой монеты, имѣвшейся во внутреннемъ обращеніи, но за то размѣнный фондъ, составленный къ 1 Января 1855 года 161 мил. р., уменьшился до 84 мил., звонкой монеты вышло изъ Россіи не менѣе 150 милліоновъ, внѣшній долгъ, какъ выше сказано, увеличился на 162 м. р., кредитныхъ билетовъ прибавилось на 487 м.; цѣны всѣхъ вообще предметовъ поднялись на 25%, и достоинство кредитнаго рубля въ вексельномъ курсѣ упало бы настолько же, если бы правительство не поддержало его искусственными мѣрами, а именно внѣшними займами для производства платежей по старымъ долгамъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ новые внѣшніе займы, судя по ходу двухъ послѣднихъ займовъ, въ настоящее время едва ли возможны и послужили бы лишь къ тягостному для государства увеличенію и безъ того уже слишкомъ обременительныхъ, заграничныхъ платежей. Равнымъ образомъ нельзя рассчитывать и на займы внутренніе, потому что вслѣдъ за пониженіемъ въ 1857 г. банковаго процента, значительная масса капиталовъ затрачена въ фонды и акціи; за тѣмъ часть обращена, а часть еще должна поступить въ 4 и 5% билеты, всего до 347 м. р., остальные же свободные капиталы находятъ себѣ гораздо выгоднѣйшее помѣщеніе во внутреннихъ оборотахъ сравнительно съ тѣмъ, какое они могли бы найти въ государственныхъ займахъ. — Наконецъ, увеличеніе финансовыхъ ресурсовъ посредствомъ возвышенія существующихъ и введенія новыхъ налоговъ повело бы только къ вящему оскудѣнію средствъ народа, сбереженіе коихъ въ настоящее время нужно болѣе чѣмъ когда либо, для благополучной развязки предстоящаго переворота въ экономическомъ быту многочисленной части сельскаго населенія. Возвышенію государственныхъ доходовъ можетъ конечно со временемъ способствовать улучшеніе системы податей и пошлинъ, посредствомъ правильнѣйшаго и слѣдовательно менѣе тяжкаго для плательщиковъ распредѣленія налоговъ, что и составляетъ нынѣ предметъ занятій особой при м—вѣ фн. комиссіи, но едва ли возможно будетъ достигнуть этимъ путемъ мгновеннаго и значительнаго приращенія государственныхъ доходовъ, такъ какъ повсемѣстный опытъ уже доказалъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ измѣненія податной системы обыкновенно бываетъ скорѣе уменьшеніе, нежели увеличеніе сборовъ.

Все вышеизложенное приводит къ заключенію, что въ настоящемъ затруднительномъ положеніи финансовъ изысканіе способовъ къ устраненію этого кризиса должно имѣть цѣлю:

во 1-хъ, устройство денежной нашей системы,

во 2-хъ, ограниченіе, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и увеличеніе средствъ на покрытіе необходимыхъ платежей въ чужихъ краяхъ

и въ 3, доставленіе государственному казначейству способовъ къ выполненію нынѣшнихъ и вновь предстоящихъ его обязательствъ. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовыхъ ресурсовъ нельзя нынѣ помышлять о какихъ либо рѣшительныхъ мѣрахъ къ улучшенію денежной системы, и при томъ самый успѣхъ ея устройства зависитъ существенно отъ уменьшенія нашихъ заграничныхъ платежей, которые изтощаютъ и будутъ изтощать денежные средства государства, доколѣ никакихъ мѣръ не будетъ принято къ ограниченію этихъ расходовъ. Почему слѣдуетъ обратиться предварительно къ ограниченію, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и къ увеличенію средствъ на покрытіе необходимыхъ заграничныхъ платежей.

Въ сихъ видахъ полезны бы были слѣдующія мѣры:

1. При возрастающей у насъ потребности въ иностранныхъ машинахъ, пароходахъ и принадлежностяхъ желѣзныхъ дорогъ, на что переходятъ за границу огромныя суммы, поощрить разработку желѣзныхъ рудъ на каменномъ углѣ и развитіе нашего машиностроительнаго дѣла и рельсоваго производства всѣми зависящими отъ правительства способами.

2. Посредствомъ раздачи казенныхъ земель, вызова колонистовъ и разныхъ льготъ содѣйствовать распространенію воздѣлыванія такихъ продуктовъ, которые могутъ родиться у насъ успѣшно, но за которые до сихъ поръ переводятся огромныя суммы за границу. Къ продуктамъ этого рода принадлежатъ въ особенности свойственные нашему Закавказскому краю, какъ то: хлопчатая бумага, шелкъ, марена и проч.

3. Облегчить сбытъ нашихъ произведеній въ иностранныя земли скорѣйшимъ устройствомъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, допустивъ, по мѣрѣ возможности, употребленіе войскъ для работъ по этимъ сооруженіямъ, дабы они могли быть устраиваемы съ наименьшимъ пособіемъ иностранныхъ капиталовъ.

4. Поощрить развитіе золотого промысла въ Сибири, для увеличенія у насъ добычи золота, какъ средства къ покрытію нашихъ

заграничныхъ платежей, и для сего предоставить частнымъ лицамъ право на развѣдки и на разработку золотоносныхъ песковъ во всѣхъ частяхъ Сибири и Уральскаго хребта.

5. Ограничить, хоть временно, чрезвычайные расходы за границею на заказы, командировки и т. п.

6. Возвысить таможенные пошлины на предметы роскоши и ограничить беспошлинное водвореніе оныхъ подъ видомъ пассажирскихъ вещей, а также усугубить мѣры для преслѣдованія контрабанды.

и 7. Умѣрить стремленіе къ безграничнымъ путешествіямъ, увлекающее изъ государства огромныя суммы на проживаніе въ чужихъ краяхъ.

Осуществленіе большей части изъ вышеозначенныхъ мѣръ, необходимыхъ для развитія источниковъ государственнаго богатства, не можетъ однакоже быть достигнуто безъ пожертвованій со стороны казны; но какъ по изложеннымъ выше причинамъ нельзя искать финансовыхъ ресурсовъ ни въ займахъ внѣшнихъ или внутреннихъ, ни въ увеличеніи налоговъ при настоящемъ разстройствѣ экономическаго состоянія всѣхъ классовъ народа: то для доставленія госуд. казначейству средствъ къ выполненію нынѣшнихъ и предстоящихъ его обязательствъ усиліе финансовыхъ ресурсовъ представляется возможнымъ лишь двоякимъ путемъ: во 1, чрезъ постепенную продажу нѣкоторыхъ казенныхъ имуществъ, и во 2, чрезъ сокращеніе текущихъ расходовъ.

Министръ финансовъ, вмѣняя себѣ въ священную обязанность повергнуть соображенія сіи на Высоч. Вашего И. В.—ва благоусмотрѣніе, пріемлетъ долгъ присовокупить, что въ случаѣ, если бы вышеозначенныя предположенія удостоились Высочайшаго вниманія, то предварительное обсужденіе, какъ и самое приведеніе оныхъ въ исполненіе, не можетъ подлежать вѣдомству лишь министерства финансовъ, а требуетъ совокупнаго участія и содѣйствія всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій“.

Государь написалъ: „обсудить въ Комитетѣ Финансовъ“. Княжевичъ помѣтилъ Царское Село. 26 Ноября 1860 г.

И въ Комитетѣ Финансовъ положили потребовать заключеній министровъ по принадлежности указываемыхъ въ запискѣ мѣръ и предметовъ. Вотъ этотъ *compte rendu* нашего Неккера.

Не говоря о смѣшеніи предметовъ въ самомъ докладѣ, направленномъ къ пораженію, къ *устрашенію Государя*, нельзя не замѣтить, что изъ предлагаемыхъ мѣръ почти всё министръ могъ принять самъ или по сношенію съ другими, кромѣ работъ войсками, возвышенія тарифа и за-

граничныхъ паспортовъ, что же касается продажи имуществъ, то это уже разрѣшено и не одинъ разъ, а сокращеніе расходовъ есть первая обязанность министра. Но, положимъ, что все это нужно было докладывать, положимъ, что все это одобрено, что все утверждено и пошло къ исполненію. Чего же ожидать?

Кризисъ не исчезнетъ и не уменьшится.

Я полагаю, что главная причина есть масса бумажекъ и бумагъ. Для уничтоженія ихъ я полагалъ бы принять нынѣ же слѣдующія мѣры:

1. Округленіе податей, пошлинъ (возвышеніе тарифа) и всякихъ сборовъ. Самое незначительное въ податяхъ: сдѣлать ихъ *личными*.

2. Отчужденіе казенныхъ имуществъ, начавъ съ домовъ, въ столицахъ, и съ цѣнныхъ оброчныхъ статей, отчужденіе не посредствомъ продажи, при которой нельзя ожидать большаго соревнованія, а посредствомъ лотереи. Только этимъ путемъ и соберешь деньги.

3. Пересмотръ смѣты на слѣдующихъ основаніяхъ:

а. Установленіемъ нормальныхъ штатовъ и отнесеніемъ экстраординарныхъ превышеній на особые источники, сокративъ расходы постоянные и отложивъ временные.

б. Приостановленіемъ расходовъ на такія учрежденія и установленія (мосты, дороги, училища, субвенціи), которыя вполнѣ и не вполнѣ нынѣ же или въ послѣдствіи могутъ существовать собственными средствами при незначительномъ сборѣ съ лицъ и строгихъ изыятіяхъ.

в. Всѣ расходы на ремонтъ, освѣщеніе и отопленіе (кромѣ помѣщеній нижнихъ чиновъ) отнести на обязанность квартирующихъ.

г. Осуществить единство кассъ во всей полнотѣ и строгости.

д. Уменьшить расходы на войско и флотъ введеніемъ конскрипціи и изытій за выкупъ, въ количествѣ и въ суммѣ по назначенію военнаго министра, образовавъ изъ выкупной суммы военный капиталъ.

и е. Приостановить всѣ расходы, не требуемые крайнею необходимостію.

НВ. Въ послѣдствіи пересмотра смѣты возстановить пенсіи въ нормальныхъ ихъ по закону назначеніяхъ и учредить особый совѣтъ о пенсіяхъ.

Я полагаю, что эти революціонныя мѣры дадутъ правительству до 200 м. р. въ годъ и, обуздавъ расточительность, возвысятъ цѣнность денегъ, а съ постепеннымъ уменьшеніемъ бумажекъ минуетъ внутренній кризисъ, привлекутъ капиталы.

Если Гарибальди не республиканецъ, то онъ самый искренній врагъ монархіи. Читая переписку Мадзини и Гарибальди, удивляешься

не смѣлости и могуществу слова, но возможности существованія монархическаго въ присутствіи ихъ порядка. Это очевидные главы другого порядка. И порядокъ этотъ идетъ, онъ увѣренъ въ себѣ и оттого говорить громко и ясно, прямо указываетъ цѣль, назначаетъ время, опредѣляетъ дѣйствія. Онъ можетъ ошибиться, пропасть даже, но онъ уже вызванъ къ жизни, стоитъ на своихъ ногахъ и никогда не забудетъ чѣмъ онъ былъ и что онъ можетъ. Ну если онъ дѣйствительно соберетъ милліонъ и, занявъ Римъ, пойдетъ на Австрію и потребуетъ естественныхъ границъ для Итальянской имперіи?

Монархію можетъ спасти Итальянская бѣдность. Но богаты-ли монархіи и могутъ-ли онѣ позволить себѣ такую роскошь какъ война? Либеральная партія въ Англіи представляетъ Пальмерстону о необходимости сокращенія расходовъ. Должно ожидать сильныхъ возраженій на бюджетъ, какъ во Франціи, если пренія получаютъ свободу, такъ и въ Пруссіи, гдѣ прибавка 8 т. талеровъ вѣроятно потребуетъ 50 т. франковъ за Рейномъ. Россійскія богатства мы знаемъ, а что касается Австріи, то о внѣшнихъ займахъ ей думать нечего, объявленный же внутренній, 30 т. гульд., не смотря на свою недостаточность, найдетъ опору развѣ въ церковномъ конкордатѣ. Священники убѣдятъ подписчиковъ проповѣдь. Католики способны низойти и до этого.

Не смотря на общія опасенія, доходящія до пожаровъ и убійствъ (я иду до голоднаго времени отъ дороговизны), до войны изъ національностей и до банкротства отъ недостатка монеты, у насъ безпрестанные праздники, обѣды и юбилей. Замѣчательно, что эти торжества устраиваются уже новымъ поколѣніемъ, и что, независимо отъ противорѣчія этихъ праздниковъ нашему будничному положенію, они почти всегда сопровождаются безпорядками или безчинствами, которые напоминаютъ о незрѣлости нашей общественности. Московская Коммерческая Академія, въ лицѣ новыхъ дѣлателей, гг. Киттары, Бабста и Бутовскаго, такъ расхвалила себя по случаю 50 лѣтняго юбилея, что подумаешь: сословіе нашего купечества достигло Европейской степенности и не даромъ вызвало упреки прежнихъ воспитанниковъ, въ которыхъ и слѣда нѣтъ привязанности и признательности къ самодовольному заведенію. Эта признательность громко выразилась на юбилей Училища Правовѣденія, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ грубыхъ выходковъ, долетавшихъ до Ольденбургскаго высочества (по неловкой провокаціи Суцова). Здѣсь и принцъ, и молодые статсъ-секретари много говорили объ успѣхахъ по службѣ, но никто—и даже лучшій изъ нихъ, Побѣдоносцевъ—не коснулись вопроса: имѣя монополію, явную и оскорбительную, что сдѣлали правовѣды для юстиціи въ теченіе этихъ 25 лѣтъ,

и не по ихъ-ли лѣности и высокоумѣнной, самоувѣренной небрежности, она доведена до того положенія, въ которомъ нельзя винить однѣ формы, какъ бы онѣ безобразны ни были, а всю тяжесть отвѣтственности должно возложить или на бездарность, всегда присущую исключительности сословія, или на безпечность, всегда сопровождающую неоправдываемое обезпеченіе мѣстъ и повышеній, или наконецъ къ духу корпораціи, носящей девизъ *respondeo finem* и укрѣпляемой братствомъ болѣе сословнымъ, нежели школьнымъ, которое обѣщаетъ развиться еще болѣе по предложенію князя Оболенскаго о составленіи общества взаимнаго поддержанія?

На юбилей Московской годовщины (12) громко раздались „40 лѣтъ лежавшіе подъ спудомъ“ стихи Пушкина, и „старый школяръ“ и молодой (Назаровъ) еще громче высказали бы похвалы достоинству и благонамѣренности, если бы за тѣмъ же столомъ школьники не произвели шума и безчиній, напоминающихъ дѣйствія „Калужскихъ прогрессистовъ“, рѣшающихся оправдываться и послѣ бича „Нашего Времени“ въ статьѣ его желчнаго редактора, или поступки Харьковскихъ студентовъ въ маскарадѣ, гдѣ Страховъ и товарищи схватили за ногу и, послѣ полученной пощечины, сорвали маску съ одной „граціозной иностранки“, потому что она „модистка“. Юность и вообще юная пація разнуздались. Почти вездѣ проявляется духъ строптивости, ложнаго самолюбія и тщеславнаго молодечества. Громкая исторія Инженерной Академіи (начатая Никоновымъ и Лебедевымъ), оглашенная (и очень неудачно) во всѣхъ газетахъ приказомъ великаго князя Михаила, ожидаетъ цѣнителей и подражателей. Они не замедлятъ. Да и могло ли быть иначе, при такихъ назначеніяхъ начальствующихъ лицъ, вовсе не приготовленныхъ къ своему посту и потому удерживающихся снисхожденіемъ (чтобы имѣть популярность), мелкими сдѣлками, чтобы не вынесли сора изъ избы, и либеральными, т. е. расточительными наградами, чтобы зажать рты и достигнуть минутнаго примиренія¹⁾?

Нынѣ былъ юбилей министру финансовъ Княжевичу, для котораго 600 подписчиковъ собрали болѣе 15 тысячъ р. Тостамъ и адресамъ не было конца. Ну есть-ли тутъ какой нибудь смыслъ, и что могли сказать ему даже наглая лесть и ложь? Его могли похвалить его друзья, Гречъ и К^о, его чиновники, его милостивцы, даже иностранныя биржи

¹⁾ Куда привело это снисхожденіе начальствующихъ (реакція энергической системѣ Николая) въ полкахъ, заведеніяхъ, канцеляріяхъ, мастерскихъ и экономіяхъ, видно изъ общихъ жалобъ на упадокъ дисциплины, изъ „безчисленнаго рода безпрестанныхъ жалобъ хозяевъ Ремесленной Управы и изъ разнузданныхъ нравовъ уличныхъ, общественныхъ и литературныхъ“.

и гости; но народъ, но государство, его похвалить не могутъ, не смотря на его мягкость и либеральность. Промышленность и торговля упали, ни внутренняго, ни внѣшняго кредита нѣтъ, въ обращеніи недостаетъ даже бумажекъ, цѣны возвысились чрезвычайно, безпорядокъ въ распоряженіи суммами растетъ и усиливается, неосновательныя начинанія въ работахъ разныхъ комиссій только раздражаютъ любопытство. По-видимому все обстоитъ благополучно, но ничего хорошаго нѣтъ.

Константинъ Боборыкинъ думаетъ ѣхать консуломъ въ Ургу, въ Монголію. Это всѣхъ насъ огорчаетъ. Мы всѣ искренно его любимъ и не можемъ надивиться, что гонитъ его въ степь, въ Монголію. Счастливый исходъ Китайскихъ переговоровъ генер. Н. Игнатьева и (товарища Константина) олигель-адъютанта Балюзекъ могъ быть поводомъ, средствомъ, но не основаніемъ и не цѣлю. Окончивъ курсъ въ 1848 г. въ артиллерійскомъ училищѣ—слѣдовательно съ образованіемъ весьма посредственнымъ—онъ началъ службу въ арміи и дѣлалъ Венгерскую кампанію. Семейное разстройство, за которымъ отецъ не жилъ съ матерью, второй братъ застрѣлился, сестра несчастливо вышла за мужъ, братья опредѣлены въ корпуса, множество сестеръ безъ перспективы, все это держало его далеко отъ родного дома. Онъ занимался разговорами, писаніемъ и переѣздами, стремясь то примирить отцовъ, то потѣшить сестеръ. Во время Восточной войны онъ попалъ въ адъютанты къ хорошему человѣку, Крыжановскому и, по окончаніи войны, къ генер. Баранцову, начальнику штаба. Въ это время онъ пытался писать въ Артиллерійскомъ Журналѣ, въ обличительномъ родѣ, и окончательно примкнулъ къ партіи литераторовъ и либераловъ, въ стремленіяхъ которой ничтожная его служба и безцѣльность карьеры, требовавшей болѣе научности, отразились и гнели его еще болѣе. Въ Октябрѣ 1859 г. онъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Испаніи, Франціи и Англій, сдѣлался дилеттантомъ, подружился въ Лондонѣ съ Герценомъ и Огаревымъ и воротился, въ концѣ 1860 г., либераломъ отъявленнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заграничная его жизнь извѣстна правительству, и положеніе его, давно уже ложное, сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ, особенно при Баранцовѣ, для котораго вѣрноподданческая пассивность есть первый долгъ и залогъ успѣха. Въ это время воротились Игнатьевъ и Балюзекъ, Константинъ похоронилъ отца, артиллерійская карьера опротивила, другія поприща не давались. Азіатскимъ Департаментомъ завѣдываетъ Егоръ Ковалевскій. И вотъ Константинъ Боборыкинъ отправляется въ Монголію. Поколебаль-ли я его моими доводами, не знаю: но съ его здоровьемъ, съ его сердцемъ и характеромъ Монгольское уединеніе кажется мнѣ болѣе нежели несвойствен-

нымъ. Онъ такъ плѣненъ Римомъ, онъ такъ любитъ вращаться въ говорѣ товарищей, что я и представить себѣ не могу его уединеніе въ степяхъ Монголіи.

Сегодня, 28 Янв., я зашелъ въ Казанскій соборъ, чтобы попросить Господа Бога о счастливой развязкѣ крестьянскаго дѣла, которое внесено въ Государственный Совѣтъ и нынѣ начато разсмотрѣніемъ подъ предсѣдательствомъ Государя. Я не ханжа, но я долженъ былъ сдѣлать этотъ актъ раскаянія, какъ бы испросить прощеніе, потому что съ самаго начала дѣла, съ Ноября 1857 г., былъ противъ этого дѣла, т. е. противъ способа его начала и совершенія. Молодая нація, молодое правительство, мы слишкомъ поспѣшно и слишкомъ много захватываемъ и потому не успѣваемъ и не можемъ обнять всего. Я полагалъ, что до перехода въ совершенно-свободное состояніе и въ вѣдомствѣ общаго права, намъ слѣдовало установить законность крѣпостнаго права и патримоніальный судъ, предоставляя выходъ изъ сего порядка окончательный не всей массѣ, а индивидуально, мѣстно, въ видѣ пріобрѣтенія свободнаго достоинства заслугами труда лицъ, семействъ или обществъ. Я и теперь такъ думаю. Придумали иначе.

Засѣданіе кончилось въ 6 часу. Оно было не совѣмъ удовлетворительно. Государь привыкъ мало ожидать отъ Совѣта, а Совѣтъ вздумалъ заняться серьезно, и при этомъ столкновеніи видно было какое-то нерасположеніе, холодность и раздраженіе.

Предположивъ расширить власть и кругъ дѣйствій Сената и законодательнаго собранія (24 Ноября), Наполеонъ такъ выразился передъ своими совѣтниками: *Ce qui nuit à mon gouvernement, c'est l'absence de publicité et de contrôle. C'est là ce qui favorise la calomnie et engendre les préventions. Je ne veux que le bien, je n'ai dans le coeur que les intentions honnêtes, mais je puis me tromper. C'est pourquoi je veux connaître l'opinion du pays par l'organe de ses députés après qu'ils auront examiné mes actes*. Искреннее-ли это желаніе или мѣра необходимости напирającychъ событій? Въ тронной рѣчи Императоръ поясняетъ: *vous le savez, en politique on ne croit guère à une démarche purement désintéressée*. Вѣрнаго здѣсь только то, что есть клевета „и предубѣжденія“. Думаю я, что вѣрно еще и то, что конституціонное учрежденіе Франціи слишкомъ односторонне, искусственно и отзывается вліяніемъ порядка временнаго, переходнаго, реакціонернаго. Какая свобода мнѣній при нынѣшнемъ порядкѣ выборовъ (исключительно правительственномъ), при нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, совершенно произвольныхъ, при нынѣшнихъ обычаяхъ вознагражденій и отличій, преимущественно имѣющихъ въ виду прославленіе, лесть и личную

преданность? Императоръ дѣйствуетъ ловко, въ этомъ должно сознаться. Но сътъ или цѣпи, которыми онъ сдерживаетъ вольное движеніе бойкой націи, стѣсняють свободный ходъ развитія нравственныхъ и умственныхъ интересовъ, и нынѣ уже нельзя не замѣтить, что уровень личнаго достоинства чувствительно понизился даже въ тѣхъ людяхъ, которые выросли въ эпохи предъидущія. Чтò будетъ съ людьми настоящаго времени? Матеріализмъ въ убѣжденіяхъ, навѣкъ окружающей среды въ стремленіяхъ и доводахъ и равнодушіе къ средствамъ достиженія. И это будутъ лучше.

Крѣпостное дѣло поглощаетъ все и всѣхъ. Послѣдній заваль, послѣднюю дверь осталось отворить, чтобы выпустить на свѣтъ Божій засыпанное глыбами насилія и привычки семейство меньшихъ братій. Сердце дрожитъ при одномъ представленіи этой картины, этой гражданской реформаціи, бывшей вездѣ (кромѣ Англіи) послѣдствіемъ религіозной и политической, намъ неизвѣстныхъ. Я боюсь ослабленія производительности, злоупотребленія вольности, нуждъ, несчастій и преступленій. На роду намъ написано: „путаница и неудача“. Четвертый годъ мы вольнодумствуемъ, говоримъ и пишемъ, а ничего не выработали. Движеніе и улучшеніе есть, это безспорно. Болтовня и скандалыцы газетъ и журналовъ иногда щиплютъ чувствительно, но—не больно, и то провинціальныхъ распорядителей. Выработали мы судебныхъ слѣдователей, но какихъ, но сколько? Ни полиціи, ни кредита, ни хозяйства нѣтъ. Госуд. Совѣтъ продолжаетъ усиленные засѣданія. Никто не осмѣливается представлять о коренныхъ перемѣнахъ. Гр. Панинъ поддерживаетъ проекты Ростовцова. Государь заявилъ свое возрѣніе и мысли. Многіе думаютъ—и думаютъ лукаво—соглашаются, но съ отерочкою исполненія на два года, полагая, что въ эти годы пояснительные указы, къ которымъ пріучилъ насъ нашъ Правительств. Сенатъ, успѣютъ утвердить безобидную доктрину, какую онъ установилъ въ отношеніи захватовъ земель у Каспійскаго и Чернаго морей и по Уральскому хребту, и ввести формальности, какія введены по учрежденію вольныхъ хлѣбопашцевъ. Но я не понимаю, можно ли такъ невозбранно поступать съ народомъ. Да и власть, освобождая личность отъ приписки къ личности, не только не устроить, но скорѣе разстроить государство, ибо государство-то это все приписано къ личности, а отъ него отдано въ кормленіе, въ ленъ, дворскому сословію, т. е. дворянству. Служба, кредитныя учрежденія, высшія лучшія заведенія учебныя, все принадлежитъ имъ. А чтò это за сословіе? Проходимцы и пройдохи, отличившіеся темными заслугами и воспитанные въ праздности и незаслуженныхъ успѣхахъ. Стыдно до униженія становится, читая „Да

сour de Russie il y a cent ans“ или современныя записки. Тоже продолжается и теперь. Учебныя заведенія военныя дошли до того, что вынуждены обращаться къ студентамъ и гимназистамъ. 25 лѣтъ существуетъ Училище Правовѣдѣнія и 20 лѣтъ исключительно отправляетъ наше правосудіе.—и каково оно? Сто лѣтъ кредитуется дворянство, а если бы не противузаконныя льготы, то $\frac{2}{3}$ имперіи слѣдовало бы продавать съ молотка. Какова у насъ служба и нравственность служащихъ—и говорить нечего.

Вотъ что: государство надобно эманципировать, а не чернь. Надобно, чтобы реформы исходили сверху, а не снизу,—а потомъ уже и народъ. Я порицаю идолопоклонство личностямъ и исканіе, по немѣнью, этихъ личностей въ какихъ нибудь мелкихъ дѣятеляхъ, но не извинить этого нельзя. Много надобно силы и тягучести воли, чтобы сохранить зависимость и достоинство личности. Всѣ такъ, уши за хвостомъ. Всѣ держатся милостивцевъ, имѣющихъ прочное положеніе, съ ними и за ними говорить, поддакивая или хитро внушая имъ другія мысли.

Трудно себѣ представить, подъ какимъ гнетомъ совершается крѣпостное дѣло. Еще труднѣе представить постоянную твердость Государя, обыкновенно мягкаго и податливаго. Но напряженіе умовъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, такъ велико, что оглашеніе рѣшенія необходимо настоятельно. Пріѣзжіе говорятъ, что въ глуши объ немъ мало знаютъ,—можетъ быть; но несомнѣнно то, что въ ожиданіи его все остановилось, и все, при данной гласности, представляется обветшалымъ и требующимъ радикальныхъ реформъ. Остановиться въ этихъ реформахъ, какъ при Александрѣ I, нельзя. Гласность и общественность не позволяютъ; примѣры Австрійскихъ обмановъ на нашихъ глазахъ, да и зашли слишкомъ далеко. А многіе думаютъ иначе!

Сегодня, во время акта*), по случаю отмѣны рѣчи профессора Костомарова въ Университетѣ произведенъ студентами такой гвалтъ, что многіе, по первымъ впечатлѣніямъ, называютъ его открытымъ бунтомъ. Молодежь, болѣе 1000 человекъ, кричала, топала, ломала стулья и требовала ректора. Измученный чтеніемъ отчета Плетневъ явился въ толпу. „На кафедру!“ Нельзя, заставлена столами. „Полѣзайте черезъ столы“. Плетневъ полѣзъ; говорить, какъ можетъ. „Громче“, „Громче“. Рѣчь не читана, потому что опасались утомить публику. „Вздоръ, большинство публики мы“.—Передъ вами виноватъ Костомаровъ, ему

*) 8 Февраля.

слѣдовало предупредить васъ. „Вздоръ, не слѣдовало отмѣнять“. Все это происходило, когда митрополитъ, товарищъ министра и попечитель, при начавшемся гвалтѣ, успѣли кой-какъ пробраться изъ залы. Удалился и Плетневъ. Тогда начали митингъ, закурили папирсы и пошли предложенія: итти къ Костомарову и привести его; явиться къ Делянову и потребовать отъ него объясненія, процессіей отправиться къ министру и пожаловаться и проч. Кончилось ничѣмъ. Чтѣ скажетъ правительство, покаравшее такъ грозно Инженерную Академію за объясненія поручиковъ Никонова съ преподавателемъ и Лебедева съ инспекторомъ Паукеромъ? Примѣръ объ этомъ встрѣченъ и въ публикѣ съ большимъ неодобреніемъ. Тамъ кругомъ виноваты инспекторъ и начальникъ училища Кауфманъ (братъ начальника штаба в. к. Николая). А здѣсь? Впрочемъ, въ наше щекотливое время неповиновеніе въ воздухѣ. Хорошо еще (полно хорошо-ли?), что Государь на охотѣ, въ Лисинѣ, куда еще вчерась уѣхалъ и товарищъ министра *).

Не смотря на общій страхъ отъ ожидаемаго 19 числа, обнародованіе манифеста о свободѣ, страхъ доходящій до соглашеній о соединеніи въ этотъ день нѣсколькихъ семействъ вмѣстѣ, до перемѣны замковъ и запоровъ и до заготовленія оружія на случай нападенія (какъ передавали мнѣ товарищи Булыгинъ и Половцовъ), веселости и въ залахъ и на улицахъ продолжаются едвали не лучше прежняго. Общество въ такомъ веселомъ настроеніи духа, что и на гробѣ сочиняетъ каламбуры. Сегодня хоронили извѣстнаго картежника, генерала Сухозанета (Ивана Онуфр.), и за гробомъ шли Государь, князя и члены Совѣта, такъ что выходило, что сперва шли казаки съ *пиками*, потомъ попы съ *крестами* и музыканты съ *бубнами*, и наконецъ тѣло съ *червями*, а за ними всѣ тузы.

Въ Варшавѣ бунтъ. Намѣстникъ предполагаетъ объявить городъ въ осадномъ положеніи. Убито на „Старомъ Мѣстѣ“ 16 человекъ и въ томъ числѣ два изъ духовенства. Этотъ телеграфъ прилетѣлъ намъ какъ снѣгъ на голову посреди нашихъ тревоженней крестьянскимъ дѣломъ. Дѣло это, говорятъ, отложено до поста, и послѣ завтра, 19, его не обнародуютъ. Напрасно. Ожиданія такъ напряжены, что можно опасаться невольныхъ, невинныхъ манифестацій, которыя въ такихъ дѣлахъ всегда важны и преступны. Въ городѣ толкуютъ, что дворянство хочетъ представить адресъ о „дарованіи конституціи“, что вел. кн.

*) Въ ночь на 19 Февраля 1861 года обходила Зимній дворецъ съ иконою и молитвою монахиня Дивеевской Серафимовой пустыни. Припомнимъ, что всего четыре мѣсяца назадъ, мантию Серафима исцѣлена отъ смертной болѣзни великая княжна Марія Александровна, а умиравшая бабушка которой клала себѣ на грудь эту мантию. П. Б.

Константинъ совершенно овладѣлъ братомъ и, говоря рѣчь 28 Января при открытіи Совѣта, въ которой слышны были даже слова: „самодержавіе установило крѣпость, оно же должно и уничтожить ее“, вел. князь превозносилъ ясность, силу и красоту оратора, твердость его характера и хитрое различеніе обстоятельствъ и личностей, а слухи говорятъ, что самую рѣчь написалъ вел. князь съ секретаремъ своимъ кн. Дмитріемъ Оболенскимъ. Это слухи и толки. Они не безъ основанія, но все таки откладывать манифестъ не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что онъ, говорятъ, уже написанъ митрополитомъ Филаретомъ и подписанъ 19 числомъ.

Возстанія въ Польшѣ слѣдовало ожидать. Вопросъ о Польской національности былъ главнымъ предметомъ переговоровъ прошлагодняго съѣзда въ Варшавѣ, хотя дипломатамъ и сообщили Французскій memorandum о положеніи великихъ державъ въ отношеніи къ Италиі. Польскій вопросъ на очереди и вмѣстѣ съ Венгерскимъ и другими Славянскими. Съ національностями связанъ и вопросъ династическій. Не знаю лучшаго времени для утвержденія нашей династіи дарованіемъ правильнаго управленія. Безправіе Австріи губить ее. Погубить и насъ, если и мы приступимъ „уже поздно“.

Крѣпостной вопросъ конченъ, манифестъ подписанъ, положеніе печатается, полкіи олигелъ-адъютантовъ, въ помощь губернаторамъ, распределены, губернскія и уѣздныя (?) присутствія избраны. Чего же болѣе? Генералъ-губернаторы здѣсь и въ Москвѣ публикуютъ и объявляютъ дворникамъ, что 19 Февраля никакого распоряженія не будетъ по крестьянскому дѣлу. Находятъ, что это объявленіе неловко. Призываютъ редактора Усова и на другой день припечатываютъ, что распоряженіе послѣдуетъ въ день „поста и молитвы“. Говорятъ, въ первое Воскресенье постомъ, т. е. 12 Марта, въ день св. Григорія Двоеслова и церковной анаемы. Ужъ не отложить-ли? А откладываютъ (странно, стыдно сказать), опасаясь послѣдствій первой радости въ разгульные дни масленицы (26 Февраля—5 Марта), для потѣхъ которой балаганы переведены съ Адмиральтейской площади на Марсово поле, къ Лѣтнему саду. Великому акту міроваго значенія даютъ мелкіе люди значеніе неожиданности, полицейской мѣры, какого-то подарка за послушаніе и благонавіе. Толки общіе. Опасенія, неизвѣстность, стѣсненія повсюду. Но со времени окончанія дѣла въ Совѣтѣ, лихорадка нѣсколько поослабла, самыя пренія тише.

Масленица настала въ прежнемъ видѣ. Чернота, пьянство, неприличіе простого народа видны на каждомъ шагу. Мы шли съ женою по Фонтанкѣ; стыдно идти. Сегодня читаютъ манифестъ въ Сенатѣ при

закрытыхъ дверяхъ. Думали опредѣлить о поднесеніи благодарственнаго адреса, но, давши согласіе на это приказанное предложеніе первоприсутствующаго Лубяновскаго, сенаторы (кромѣ А. М. Безобразова) разѣхались, не составивъ адреса. Нынче же студенты Поляки и кадеты служили въ Католической церкви панихиду по убиеннымъ въ Варшавѣ и пѣли національный гимнъ: „Наша Польша не погибла“ и когда замѣтили, что полковникъ Константиновскаго училища Рощишевскій записывалъ кадетовъ, то вытолкали его изъ церкви и палками провожали по улицѣ.

Вообще чтеніе глупой статьи Погодина, какъ приметъ народъ вольность (въ Сѣв. Пчелѣ) и обнародованіе Варшавскихъ событій, энергическаго письма или прошенія, доставленнаго чрезъ митрополита Фіалковскаго, и блѣднаго, слабаго отвѣта Государя, написаннаго министромъ Горчаковымъ, производятъ грустное впечатлѣніе. Ушамъ и глазамъ не вѣришь, что видишь и слышишь. Разнузданность общества, шатаніе государственнаго организма и безопасность мѣстнаго порядка поразительны. Точно съ похмѣлья, послѣ оргіи. Не понимаю, какъ это могло и можетъ быть терпимо. Точно будто виновность желаетъ изгладиться послабленіемъ, напряженная дисциплина Николая уступаетъ мѣсто оробѣвшему безсилію. Посмотримъ. Будемъ крѣпки въ вѣрѣ и искренни въ преданности. Сегодня, 5 Марта, читанъ въ церквахъ манифестъ 19 Февраля о вольности народа. Да возрадуются и возвеселятся люди и ангелы! Великій день. Начинается наша новая исторія. Помолимся и обдумаемся.

Манифестъ написанъ дурно, многословно и вяло. Говорятъ, писалъ Филаретъ. Онъ обнародованъ какъ бы украдкою и не произвелъ никакого впечатлѣнія. Но, можетъ быть, такъ и подобаетъ явиться великому дѣлу. До 10 Марта онъ огласится во всей Имперіи. 5-го было только въ столицахъ. Я прочелъ его моимъ людямъ. За обѣдомъ пилъ съ ними Шампанское и прибавилъ къ жалованью по 50 к. въ мѣсяцъ. Гуляя, по обыкновенію, я не видѣлъ никакой перемѣны въ физиономіи города. Кажется, было менѣе пьяныхъ. И такъ дѣло кончено. Я до времени оставляю его, чтобы вникнуть въ сложныя, многочисленныя Положенія. Онѣ продаются въ сѣвѣжнихъ домахъ и во всѣхъ лавкахъ. Говорятъ, продано здѣсь и въ Москвѣ 25 т. Мои люди уже не нашли.

Засѣданіе Французскаго Сената и Законодательнаго Собранія при разсмотрѣніи проэкта адреса замѣчательны въ высшей степени. Нація разучилась говорить. Десятилѣтнее безмолвіе, при природной Французамъ болтовнѣ, разрѣшилось пустословіемъ. Нація разучилась говорить не только въ лицѣ своихъ представителей, избранныхъ подъ одно-

стороннимъ вліаніемъ раболѣпныхъ правителей, но и въ лицѣ главныхъ своихъ руководителей, министровъ Бильо и Бароша. Даже оппозиція— Лярошаа-Келена и Жюль Фавра не выдерживаетъ оцѣнки хорошей трибуны. Даже братъ императора, Plon-plon, потерялъ всякое достоинство, всякую сановитость. Государство не знаетъ своей политики, оппозиція забрасываетъ одними вопросами. Большинство, огромное большинство, покрываетъ и министерскую неопредѣленность, и оппозиціонную запальчивость и задыхающійся фанатизмъ ультрамонтанцевъ. On constate et on attend,—вотъ и все. Вѣрнаго ничего.

Вѣрнаго только то, что, куда бы ни вмѣшался этотъ новый властитель стараго порядка, вездѣ онъ производитъ путаницу. На Востокѣ положеніе христіанъ не имѣетъ никакого обезпеченія, въ Италіи нѣтъ мѣста ни законности, ни невмѣшательству. Вся Европа состоитъ съ оружіемъ и выжидаетъ. Покоя нѣтъ ни въ одномъ языкѣ.

Императоръ отвѣчалъ адресной депутаціи: *Etre de son époque, conserver du passé tout ce qu'il avait de bon, préparer l'avenir en dégageant la marche de la civilisation des préjugés, qui l'entravent vu des utopies qui la compromettent, voilà comment nous léguerons à nos enfants des jours calmes et prospères. Malgré la vivacité de la discussion, je ne regrette nullement de voir les grands corps de l'état aborder les questions si difficiles de la politique extérieure. Le pays en profite sous bien des rapports. Ces débats l'instruisent sans pouvoir l'inquiéter. Je serai toujours heureux, croyez le bien, de me trouver d'accord avec vous. Issus du même suffrage, guidé par les mêmes sentimens, aidons nous mutuellement à concourir à la grandeur et à la prospérité de la France*“.

Да. Но, слѣдуя мысли дяди въ учрежденіи конфедерацій, вы вызвали къ единству государство въ 24 м. и отчуждили отъ Франціи католицизмъ, а (что всего важнѣе) не могли воспрепятствовать утвердиться началу, которое Англія поддерживаетъ въ Капрерскомъ гербѣ.

Едва мы прочли неловкій, запутанный и грубоватый отвѣтъ на адресъ Польскій, какъ вотъ обнародованъ и статутъ, учреждающій государственный, губернскіе и уѣздные совѣты съ преобладаніемъ Польскаго элемента, но безъ точнаго опредѣленія порядка и круга дѣйствій и степени правъ. Едва ли организація эта довершится. Думаю, что Польша потребуетъ другого. Дадутъ другого—третьяго. Повторится Австрійская исторія, съ тою только разницею, что болѣе податливый Александръ II-й поспѣшитъ удовлетворить требованіямъ. Но это ни на что не похоже. Это приведетъ, *on vous trompe. C'est trop tard*. Государь постоянно на охотѣ. Постоянно со всѣмъ соглашается. Оплошность

дошла до крайности. Конь скоро чувствует сѣдока. Воровство въ управленіи дѣлается закономъ. Мошенничество акціонерныхъ компаній не вызываетъ преслѣдованій. Манифестаціи студентовъ покупаются уступками. Грязь на улицахъ, безчинство и пьянство народа, общій разгулъ переходитъ и въ литературу, гдѣ слова: ложь, клевета, обманъ, низость бросаются прямо въ глаза. Безстыдство Пермской Клеопатры Толмачевой, спросившей: „кто купить цѣною жизни ночь мою?“ находитъ хвалителей, особенно когда она объяснила въ глаза всему Пермскому обществу: „не всякій-ли день видимъ мы, что молодья дѣвушки и женщины продаютъ ночи свои, всю жизнь свою богатымъ старикамъ?“ Особенно несчастливы назначенія. При общей несостоятельности нашихъ учреждений и при такихъ назначеніяхъ, какъ гг. Денъ—въ Курскѣ, кн. Оболенскій въ Ярославлѣ, Муравьевъ—въ Рязани, гр. Левашевъ въ Орлѣ—удивляемся: какъ еще идетъ управленіе: ужь не созрѣло ли общество для самоуправленія?

А между тѣмъ срывками, незапно, видна и строгость: такъ архим. Ѳеодора, за неправославныя статьи, сослалъ въ Переяславль. За присяжный судъ студентовъ, судившихъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Спасовича, студента Бутчика за растрату 1500 р. изъ кассы бѣдныхъ, приказано: виновныхъ подвергнуть взысканію. Ссылка, взысканіе, а между тѣмъ разнузданность на каждомъ шагѣ, дерзость въ каждомъ словѣ, противорѣчіе, пасквиль—въ родѣ статьи о Суковкинѣ и Гвоздевѣ (въ Библиот. для Чтенія) или „Переходное время“ (замѣчательная желчь А. Жемчужникова, въ Русск. Вѣстн.) при каждомъ случаѣ. Раздраженіе интересовъ, страстей и выраженной все растетъ. Сословія перемѣшиваются. Авторитетъ падаетъ. Но чтѣ происходитъ внутри? Какъ понимается и примѣняется манифестъ 19 Февраля? Какіе предназначаются посредники? Крестьяне еще ничего не понимаютъ. Дворовые боятся за завтрашній день, вотъ во многихъ домахъ, уже 6 Марта, отказываются отъ повиновенія. А финансы? А частный кредитъ? А размѣнныя деньги? Я не вижу другого исхода. какъ дать конституцію, конституцію широкую, которая бы вела народъ и способна была не сокращаться, а развиваться.

11 Марта скончался въ Москвѣ князь Константинъ Оболенскій, братъ Декабрьскаго Евгенія и моей старой пріятельницы Натальи, дядя моей милой Вари. Я въ пріязни съ нимъ болѣе 30 лѣтъ и всегда порицалъ въ немъ матеріализмъ и шаткость правилъ. Евгеній, послѣ крестинъ новорожденной своей дочери, пріѣхалъ хоронить своего молодшаго брата въ Москву и плакалъ какъ ребенокъ. Замѣшанный въ дѣло 14 Декабря Константинъ, сдѣлавшись празднымъ игрокомъ и

членомъ Англійскаго клуба, заслужилъ репутацію шпіона гр. Закревскаго въ кругу Московскихъ либераловъ и жилъ набивною фабрикою, которую онъ оставилъ, какъ говорятъ, любимцу своему, камердинеру Василью. Вообще это личность незавидная и въ настоящія времена возможная только для мѣщанскихъ посредственностей. Ничто ему не удавалось. Все это семейство исчезаетъ и отъ дѣда, апостольской наружности, старца-Петра до внуковъ, которыхъ теперь на лицо шестеро, можно полагать надежду развѣ на Сибирскихъ переселенцевъ, Ваню и Петю, которые родились въ Ялтуровскѣ. Семейство это было богато женщинами, и изъ нихъ богаче другихъ головою, но не счастьемъ княгиня Наталья, сестра ея, Варвара, это типъ женщины, какъ дѣлаетъ ее наше общество. И та и другая пишутъ мнѣ о Константинѣ. Я отвѣчалъ имъ. Но миръ праху твоему, бѣдный человекъ. Да будетъ тебѣ легка земля. Всего болѣе я боюсь за впечатлительность Вари. Она любила дядю, онъ баловалъ ее и помогалъ имъ, ей и матери, дѣлалъ роскошными своими остатками.

Звонятъ колокола и гудитъ вѣсть о свободѣ народа и слышенъ шумъ и говоръ толпы, точно просыпающейся передъ зарею стаи птицъ, готовящихся къ полету. Къ этому примѣшивается и крикъ Польскій, и все это покрывается народными голосами Европы, и въ воздухѣ летаютъ атомы заразы, и въ ушахъ перекрещиваются мысли и теоріи, а безсильныя учрежденія шатаются со стороны на сторону, а осажденныя личности вертятся въ недоумѣніи, кому угождать, кому противодѣйствовать. Смѣлые не знаютъ, куда идти, робкіе—на кого надѣяться. Все выходитъ изъ своего положенія, и въ общемъ уровнѣ, кромѣ величинъ математическихъ, господствуетъ такое нравственное и политическое безразличіе, при которомъ слабѣютъ самыя обыкновенныя убѣжденія. Это ложный путь. Но безнаказанно и безвозбранно такія ошибки не проходятъ, и уклоненія отъ разумнаго направленія требуютъ жертвъ, очищенія, мщенія. Если онѣ не знаменуются эпохами крови, тѣмъ не менѣе онѣ совершаются то душевными недугами, то изнурительными болѣзнями, то самоубійствами, а всего чаще сжатымъ оскорбленіемъ, томительнымъ недовольствіемъ и горькими слезами.

Въ Варшавѣ бунтъ. Убиты и ранены, въ войскахъ и обывателяхъ. Полилась кровь. Военной силы много, но мало рѣшимости, а народа еще болѣе, и революціонное начало въ полномъ развалѣ. Возлѣ Русскаго правительства образовано имъ же народное, почти во всѣхъ городахъ. Правители, по требованію, перемѣняются; новые ищутъ своего признанія въ народѣ. Если фактъ права останется на сторонѣ военной силы, доселѣ называвшейся правительствомъ, народу останется

прекратить взносъ податей. Петербургское начальство способно на полумѣры и не рѣшится удовлетворить Польскимъ требованіямъ изъ боязни вызвать Русскія, которыя, подавляемые крѣпостною реформою, готовы выразиться едва ли не смѣлѣе партіи гр. Замойскаго. Министры, дорожа своею властію, будутъ удерживать Государя до нельзя, будутъ уступать въ крайней необходимости, доколѣ не порвется эта обветшавшая нить уступокъ, и фактъ не возьметъ силу надъ правомъ. Онъ уже беретъ ее. Онъ готовъ взять ее. Петербургскіе правители уже ограничиваются пальятивами и экспедіентами. Раздраженій у насъ едва-ли не болѣе, нежели въ Польшѣ. И тамъ и здѣсь правительство дурно дѣлаетъ то, что отчуждаетъ отъ себя дворянство. Торопливость нашихъ преобразованій по крѣпостному дѣлу изумительна. Точно мы, какъ въ Варшавѣ, находимся въ осадномъ положеніи. Вѣсти изъ губерній двусмысленны, слѣдовательно дурны. Недоразумѣнія приведутъ къ несогласіямъ, отъ нихъ недалеко до раздоровъ и ссоръ и явнаго неповиновенія. А начинается рабочая пора. Всюду посылаются флигель-адъютанты въ родѣ Левашева, Черткова, Дена; мы близки къ дискреціоннымъ генераль-губернаторамъ. Не было печали, да....

Полуофициальный журналъ „Patrie“ продолжаетъ настаивать, *que les soldats français ignoraient, en traversant Alma qu'ils portaient dans leurs gibernes l'émancipation des serfs russes*. Если журналъ хочетъ сказать, что Крымская кампанія насъ пробудила отъ самоувѣренности и что правительство желало либеральными уступками ослабить говорливый ропотъ посрамленія, то онъ правъ. Но не болѣе. Видѣтъ въ этомъ намекъ вліяніе иностранное на наши жизненные преобразованія было бы еще горшее посрамленіе.

Я очень занятъ дѣлами государства и Европы и особенно дѣлами министерства. Последнее, особенно въ это время, стоило мнѣ много трудовъ и—странное дѣло—труды эти не только не имѣютъ желанныхъ мною послѣдствій, но даже приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Ослабленное управленіе дѣлаетъ дѣла плохо. Мнѣ остается опровергать, отрѣзывать, переименовывать. Директоры сердятся, жалуются, ропщутъ. Министръ не принимаетъ моего доклада. Я слышу отъ него только неудовольствія, что я „умничаю“, что „связь дѣлъ требуютъ исключеній“, что „идеологія и юрика рѣдко понимаютъ хозяйство“, и что „Лебедевъ (очень честный и благонамѣренный человекъ, я это говорилъ и говорю) самолюбивъ и высокомѣренъ“.

Да, за государствомъ и министерствомъ не мѣшало бы мнѣ подумать и о семьѣ, и объ этомъ Митѣ, и объ этой Татѣ, которые такъ мнѣ дороги, которые такъ много счастливаютъ насъ и которые завтра

могутъ остаться безъ крова и дневнаго пропитанія. Да. Но какъ подумать? Отказаться отъ прошедшаго? Переломить себя? Въ 50 лѣтъ! Посмотримъ. Я вѣрю въ Бога и Его святую истину. Я довѣряю благородству чувствованій, постоянству характера и чистотѣ намѣреній. Въ Россіи—говорять—безъ протекціи нельзя. Пусть попрутъ эту протекцію. Я не отступлю ни шага. Ты ропщешь, Митя; ты ропщешь, Тата; но ваше несчастіе—вашъ отецъ, если вы будете несчастны. Требуйте отчета уже не отъ меня. Такъ мнѣ грустно, такъ мнѣ тяжело думать о вашей необезпеченной участи!

Читаю—продолжаю читать—сочиненіе Бокля: Исторія образованности въ Англіи. Это вовсе не противень книгъ Гизо, задумано и исполняется на иныхъ началахъ и по другому плану. Здѣсь нѣтъ доктрины, и положенія выводятся изъ фактовъ по Баконовской методѣ. Бокль скорѣе слѣдуетъ мысли „идей“ Гердера, съ которымъ у него общаго огромная начитанность, но съ которымъ онъ совершенно расходится въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и поэтической формѣ. Шлѣцеръ сказалъ: Исторія есть продолжающаяся статистика. Бокль беретъ вывести законы развитія образованности на непреложныхъ данныхъ статистики (*à la Quételet*). Едва-ли это воззрѣніе не поуже стариковскаго Шлѣцера. Но во первыхъ: гдѣ эти *непреложныя* данныя? Кетле вѣритъ имъ, какъ *orfèvre m-g Josse*, а я имъ не вѣрю. Не вѣрю потому, что подробно разобравъ (едва ли не единственную) уголовную статистику Франціи за 25 лѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что почти всякая цифра, и безусловно всякая средняя, имѣетъ значеніе относительное, приблизительное, необходимое. Пиагоръ сказалъ: числа управляютъ міромъ, Гёте измѣнилъ значеніе этой математической истины: числа показываютъ, какъ управляютъ міромъ. Согласенъ, но осмѣлюсь выразиться точнѣе: благосостояніе, цѣль бытія, познается цифрами долговѣчности, и то въ среднихъ числахъ, и то въ продолжительные періоды. Здоровье тѣла и духа. Но страницы книги Бокля могутъ служить доказательствомъ моего внимательнаго чтенія.

Министръ посылаетъ меня подробно обревизовать управленія въ Владимирской губерніи. Не принимая отъ меня докладовъ, несмотря на то, что многія дѣла ждутъ его разрѣшенія и что важныя дѣла должны вступить въ Совѣтъ, онъ командируетъ меня въ эту маленькую губернію. И прежній управляющій (Калачевъ) и нынѣшній, мой протезъ (Шиллингъ) люди вполне благонадежны, и оттуда нѣтъ никакихъ извѣстій, ни доносовъ, ни донесеній о злоупотребленіяхъ. Я и товарищи мои удивлены этимъ назначеніемъ, и я объясняю себѣ это удаленіе предположеніемъ о какихъ нибудь реформахъ, которыя онъ заду-

мываетъ провести, ворочаясь съ затрудненіемъ надъ сельскимъ комитетомъ в. кн. Константина. Я не ропщу, я поѣду, я даже радъ командировкѣ. Мнѣ нужно обвѣтриться послѣ смерти Александра Горбунова. Мнѣ любопытно и посмотрѣть одну изъ Русскихъ губерній при введеніи вольности и новаго порядка работъ и управленія.

Умеръ Ермоловъ, утромъ 11 Апрѣля. Онъ родился въ 1774 г. съ 1 Января 1792 произведенъ въ офицеры и получилъ при Екатеринѣ Георгія и Владимира съ бантомъ и майорскій чинъ. Это былъ самый старшій изъ военныхъ оберъ, штабъ и генераловъ-майоровъ (16 Марта 1808 г.), лейтенантовъ (31 Октября 1812 г.) и полныхъ генераловъ (20 Января 1822 г.). Ума въ высшей степени дѣятельнаго, онъ дѣятельно служилъ и отличался. Едва ли ктонибудь имѣлъ такую популярность въ Россіи, пріобрѣтенную преимущественно незаслуженною немилостію въ 1826 г. и хитрою злою колкостью. Сложенія и здоровья колоссальнаго; онъ 35 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ (буквально, ибо онъ никогда не любилъ ходить и просидѣлъ нѣсколько деревянныхъ стульевъ и половицъ подстольныхъ, какъ сказывалъ и показывалъ мнѣ самъ въ Августѣ 1857 г.), ничего, рѣшительно ничего не дѣлая, принимая всѣхъ съ распростертыми объятіями, съ льстивымъ словомъ, величая всякаго по имени и отчеству и прибавляя повидимому неумышленную колкость, хулу или насмѣшку. Память, разумъ, свѣдѣнія, опытность, характеръ—все было у этого *Русскаго* челоуѣка. Но я не думаю, чтобы его ктонибудь любилъ и даже уважалъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ хорошій военачальникъ и администраторъ. Часто видаясь съ нимъ и иногда бесѣдуя долго, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ умъ, прославленный противниками его немилости. Я не помню отъ него ни одной инициативы; я не помню, чтобы онъ когданибудь самый серьезный разговоръ не пересыпалъ шуточками и колкостями; я не помню, чтобы онъ сдѣлалъ, вызвался сдѣлать, гласно выставилъ какоенибудь доброе, благородное и доблестное дѣло. Изъ напечатанныхъ историческихъ сочиненій его близкихъ сверстниковъ едва ли ктонибудь отозвался о немъ съ похвалою. Все, что слышали и повторяли отъ него, это анекдоты о Нѣмцахъ. Но десятилѣтнее управление Кавказомъ останется славнымъ его памятникомъ.

Раздраженіе умовъ очень сильно, напряженное вниманіе готово всему вѣрить, испуганныя ожиданія не видятъ исхода, и все сдѣлалось чѣмъ-то временнымъ, случайнымъ и независимымъ. У насъ Польша и крестьянскій вопросъ съ разными другими болѣзнями и Европою, а въ Европѣ національности и Гарибальдійскіе перевороты. На дняхъ, приписанный къ министерству кол. ассес. Дворжицкій явился въ залу

министра Муравьева и, упрекнувъ его въ томъ, что безъ мѣста ему нечего ѣсть, назвалъ подлецомъ и казнокрадомъ. Люди умные и хорошіе сходятъ съ ума и на дняхъ помѣщены въ заведеніе умалишенныхъ д-ра Штейна: генер.-лейт. Броневскій, гофмейстеръ Хрущевъ (свѣжая и крѣпкая голова, бывшій товарищъ м-ра Шереметева) и д. с. с. Струговщиковъ (переводчикъ Гёте).

Всѣ рѣшаются понести ущербъ $\frac{1}{3}$ дохода отъ крестьянской реформы; многіе думаютъ, что обнищаніе дворянства, уменьшеніе производительности и общая нужда неизбѣжны. Многіе опасаются убійствъ и пожаровъ, и изъ разныхъ мѣстъ приходятъ вѣсти о схваткахъ. Въ Могилевѣ стрѣляли и положили двухъ, въ Казани—семьдесятъ. Губернаторы оставляютъ мѣста, вновь назначенные не ѣдутъ (въ Орлѣ съ 5 Марта ожидаютъ гр. Левашева, а онъ себѣ веселится въ Петербургѣ), или оставляютъ управленіе вице-губернаторамъ (какъ гр. Бобринскій, уѣхавшій въ Парижъ къ женѣ на 4 мѣсяца); генераль Веймарнъ, находившійся представителемъ въ Витебскѣ, по случаю оказавшихся вакансій, уѣхалъ въ Петербургъ.

Несостоятельность настоящаго правительства бросается въ глаза на каждомъ шагѣ. Не только частная гласность бросаетъ грязью въ его представителей (правда, не крупныхъ), но самыя высшія управленія, министерства, сознавая свое неумѣнье и бездарность своихъ жалованныхъ членовъ, обращаются къ публикѣ и просятъ совѣта и помощи. Частныя лица, за именными подписями, обличаютъ продѣлки и злоупотребленія чиновниковъ предъ судомъ публики, точно будто бы другаго суда и нѣтъ. Акціонерныя общества, какъ напр. „Балтійская компанія“, „Сельскій Хозяинъ“, въ печатныхъ отчетахъ описываютъ такія дѣянія директоровъ и распорядителей; „Главное Общество желѣзныхъ дорогъ“ выказываетъ такую расточительность, что во всемъ этомъ Русскія „невозбранность и безнаказанность“, пожалуй, вызовутъ вмѣшательство власти иностранной, чтобы запятнать этотъ цинизмъ соблазна и назвать вещи своимъ именемъ, подвергнувъ отвѣтственности.

Московскій прокуроръ официально выражается, что „преобразованія по личному усмотрѣнію правительства, зависящія отъ личнаго настроенія составителя ихъ, безпрестанныя измѣненія сего дня того, чтò было издано вчера, появленіе цѣлыхъ томовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости, все это возбуждало естественное недовѣріе; невозможность имѣть какое либо сужденіе обратила недовѣріе это въ совершенное равнодушіе“...

Въ Москов. Вѣдомост. № 87 напечатанъ протестъ ректора и всѣхъ профессоровъ Московскаго университета противъ Домашней Бесѣды Асоченскаго, святотатственно оскорбившаго ученое сословіе въ лицѣ профессора богословія священника Сергіевскаго, предавъ его суду церковному и отлученію отъ церкви (за слово его, напечатанное постомъ въ Православномъ Обзорѣніи, № 1); это не только злокачественное обвиненіе и оскорбленіе чести могло бы дать право формальному иску, но и поруганіе честныхъ правилъ требовало бы немедленно предьявленія обвинительнаго акта. Здѣсь недостаточно „довести до свѣдѣнія публики“. Скоро общество совершенно рѣшится отказаться отъ этого слабаго и бездарнаго правительства и внѣ ея іерархіи установить свою власть.

И по дѣломъ. Ничтожные люди эти, занятые исключительно окладами, землями и арендами, такъ мало соответствующую выдвигающемуся порядку, что правительству остается просить, какъ просить безсильный банкротъ или расточитель-опекунъ: презирай, но пощади старика!

Близко я вижу это правительство въ лицѣ моего министра и сказалъ бы конечно: и презираю и не пощажу, если бы главный отвѣтчикъ не былъ, такъ или сякъ, одушевляемъ лучшими намѣреніями, которыя отравляются неспособнымъ антуражемъ, убаюкиваніемъ журналистики и личною безхарактерностію.

Не могу понять, какъ держится общество при такихъ презрѣнныхъ учрежденіяхъ и какъ до сихъ поръ не явится новая власть, чтобы внести какой нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, въ которомъ ловятъ рыбу и грѣютъ руки одни мерзавцы.

Я скоро готовъ буду вѣрить, что дѣйствительно существуетъ партія разрушенія умышленныхъ инициаторовъ, потакателей и провокаторовъ. А пора бы сказать смѣлое слово. Иначе и мнѣ скажутъ: ужъ поздно!

Дождь и градъ повышеній, перемѣнъ и наградъ по случаю свѣтлаго праздника и тезоименитства Государя. 1580 орденовъ изъ Капитула, 72 т. десятины земли и болѣе 50 т. арендъ. А еще говорятъ, что у насъ чины въ чести, а еще боятся, что у насъ земель мало, а еще кричатъ, что у насъ денегъ нѣтъ. Однимъ приказомъ произведено и уволено 58 генераловъ, другимъ приказомъ надѣлано столько-же новыхъ. Въ пользу уволенныхъ остряки наши придумываютъ концертъ во дворцѣ, гдѣ министры будутъ пѣть. Княжевичъ: ужъ я золото хороню, хороню; Чевкинъ: не одна-то не одна во полѣ дороженька, не одна не пролежала, Ланской (уволенный): я въ пустыню удаляюсь, а

министерша Сухозанеть и столь же старая графиня Разумовская: мы Цыганки молодые, и проч. и проч.

Но надобно же заняться и дѣломъ. Смѣнили Ланскаго, его сдѣлали графомъ и оберъ-камергеромъ, смѣняютъ просвѣщеніе Ковалевскаго, думаютъ смѣнить Княжевича и Панина.

Изъ важнѣйшихъ назначеній должно отмѣтить Валуева. Это чловѣкъ прекрасныхъ формъ, весьма гибкій, ловкій и представляетъ придворную, Шуваловскую партію, представляя, когда дѣло шло о достиженіи и партію либеральную. Выборъ прекрасный. Я знаю Валуева близко. Онъ умѣетъ себя поставить и при самостоятельномъ положеніи сьумѣетъ повести дѣло. Сколько я могъ замѣтить, онъ не любитъ подробныхъ занятій и недостаточно цѣнить выборъ людей. Онъ не отстаиваетъ никакой системы и любитъ болѣе проводить данныя мысли, нежели учреждать свой порядокъ. Чловѣкъ въ полномъ смыслѣ Европейскій, онъ вполне проникнуть мыслию, что безъ угожденія двору никакое положеніе не прочно и лавировать полезнѣе для дѣла и лицъ, нежели отстаивать. Вслѣдствіе-ли несчастныхъ обстоятельствъ или по рожденію и по организаціи, онъ очень холоденъ.

А крѣпостной вопросъ едва доходитъ до мѣста и почти вездѣ порождаетъ недоразумѣнія. Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казан. губерніи, въ имѣніи Мусина-Пушкина, с. Безднѣ, открытое неповиновеніе, подстрѣкаемое раскольникомъ Антоновымъ и при церковномъ колоритѣ, потребовало вооруженнаго вмѣшательства, и генераль Апраксинъ положилъ на мѣстѣ 52 чловѣка и ранилъ 90; въ Пензѣ—160. Для меня важнѣе этихъ схватокъ и недоразумѣній раздраженіе дворянства. Оно очень натянуто, и исходъ этого напряженія тѣмъ болѣе долженъ озабочивать правительство, что дворянскіе интересы не имѣютъ органовъ. Ихъ слѣдовало бы создать.

И не смотрѣлъ и не слушалъ бы всѣ эти гадости и мерзости, рассказанныя мнѣ директоромъ К. И. Рудницкимъ. Товарищъ министра Н. Н., будучи въ связи съ старою сиреною Бартоломей, запутался въ Балугьянскихъ и всѣмъ этимъ Бартоломеймъ, Капгерамъ и Дараганамъ раздастъ награды, такъ что плѣшивый сенаторъ, получивъ 6 т. дес., шесть мѣсяцевъ таскался по столамъ оброчнаго и межеваго отдѣленія и выбиралъ себѣ лучшіе участки. Такъ-же, но немного иначе, поступилъ и самъ Муравьевъ, получившій 20 т. д. съ прибавкою при отрѣзкѣ 2 т. д. Вмѣсто его выбралъ земли Самарскій управляющій Протопоповъ, уже услужившій начальнику при отводѣ земель сыну его Леониду. Протопоповъ выбралъ Муравьеву 22 т. изъ оброчнаго участка въ 48 т. д., отдававшася по 65 к. за десятину.

Земли Муравьева, по распоряженію чиновника м-ва Крогуса, пошли (сперва 13 т.) по 2 р., но за то остальные земли участка пошли не по 65, а по 5 к. Наградивъ себя, своихъ и сына, Муравьевъ доложилъ, по прежнимъ примѣрамъ, чтобы министры не представляли къ наградѣ землями. Изъятіе—конечно не послѣднее—сдѣлано для немногихъ: Зеленаго, Гедеонова, Стенбока, Геригросса, Невѣровскаго и—Протопопова, которому назначено 3 т. дес. Такъ платить и покупаетъ этотъ господинъ усердныхъ подчиненныхъ. Передаю, какъ получилъ. Я ожидаю всякой черноты отъ Муравьева.

Итакъ я ѣду во Владимиръ. Я оставляю Петербургъ въ самое интересное время. Но едва ли не важнѣе оно въ губерніяхъ, гдѣ организуется наше хозяйство и гдѣ льются потъ и кровь. Я увижу крестьянское дѣло на мѣстѣ и конечно всмотрюсь въ него. Но для меня любопытно и наше управленіе. Въ губерніи, преимущественно промышленной, съ 1856 г. введенъ кадастръ, т. е. мнимая подоходная подать. Промысловый налогъ и измѣненія тарифа должны оставить очевидные слѣды на многочисленномъ классѣ ремесленниковъ и фабричныхъ. Потомъ поучительно вникнуть и въ послѣдствія нашего фискальнаго направленія и бумажнаго наводненія. Въ нынѣшнемъ году въ губерніи совершается преобразование волостей и отмѣняется инстанція сельская, которой отсутствіе, послѣ 20 лѣтъ существованія, должно неминуемо произвести запутанность, особенно въ хлѣбныхъ запасахъ и капиталахъ. Я недоволенъ этою неблагоприятною командировкою, но я сдѣлаю ее не безъ пользы для себя и для дѣла. Жаль одно: я попалъ на губернатора и управляющаго, людей столь посредственныхъ, что не могу рассчитывать на ихъ содѣйствіе.

Едва ли когда нибудь я такъ много объѣздилъ. Успокоившись и обозрѣвъ положеніе, я желаю дать себѣ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ. Время переживаемъ мы важное, и едва-ли оно не опередило насъ, по крайней мѣрѣ едва-ли обязательныя учрежденія не соотвѣтствуютъ теоріи, чѣмъ дѣйствительности. Реформа опередила и средства и привычки и самыя нужды.

Мнѣ нужно было освѣжиться послѣ тревогъ и волненій сердца и головы отъ незапной смерти Сашеньки Горбунова и несприятностей служебныхъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать на Каспійское море, гдѣ изученіе рыболовства обѣщало и развлеченіе и пользу и Югъ и море; министръ придумалъ Владимиръ. 6 Мая я выѣхалъ, нѣсколько дней пробылъ въ Москвѣ, 12—19 во Владимирѣ и губерніи, 20 у Жукова, 23 въ Пензѣ, 24—28 въ Саратовѣ, у моей несчастной сестры, а потомъ черезъ Аткарскъ, Кирсановъ, Шацкъ и Елатъму, 31, снова во Влади-

мирской губерніи, въ волости Домнино. Отъ сюда, черезъ Рожновъ боръ (богатая устроенная дача въ 28 т. дес.) я началъ поѣздку по губерніи по округамъ и волостямъ, въ Муромѣ, въ Чаадаевѣ, въ замѣчательной Багратионовской волости, гдѣ народъ встрѣчалъ меня какъ принца крови, толпами выходя на дорогу за 15 и 10 верстъ и толпясь тысячами у моей квартиры. Изъ Озоблиново (волость чисто-слесарную) черезъ бѣдныя Сергіевы Горы я проѣхалъ изъ Вязниковъ въ Ковровъ, весь полный рабочими желѣзной дороги, и за тѣмъ въ богатую, бунтующую (она не составляетъ раскладочныхъ приговоровъ по кадастру съ 1856 г.) волость Алексино, гдѣ и пробылъ двое сутокъ. 11 Іюня, въ ужасный Троицынъ день, я пріѣхалъ въ Шую и видѣлся, 12, съ головою и городничимъ (капит. Купріяновъ), отправившись, чрезъ Пупки, въ знаменитое Иваново. Здѣсь пробылъ сутки въ домѣ Е. П. Гаршина, осмотрѣлъ двѣ фабрики и, обревизовавъ отдаленное Курьянова, тѣмъ же трактомъ поѣхалъ, чрезъ Лежнево, въ Суздаль, гдѣ едва нашелъ помѣщеніе. Посѣтивъ соборъ и Спасскій монастырь, послѣ ревизіи волостей Городищенской и Яневской, я чрезъ Юрьевъ прибылъ въ Ильинское, а оттуда, чрезъ Симы, въ Елизарово, Брегболу и наконецъ въ Никитскій монастырь къ архимандритамъ Нифонту и Феодору, у которыхъ и говѣлъ до 27. Отсюда, чрезъ Александровъ, я поѣхалъ въ Воскресенскую волость, а потомъ въ Сергіевскую Лавру, Скитъ, пещеры, Виѳанію, Пустыньку Ананія и въ Махру, гдѣ меня встрѣтили по ошибкѣ съ колокольнымъ звономъ и гдѣ я остановился въ домѣ пономаря Святухина, рассказавшаго мнѣ дивныя вещи о нашемъ Византійскомъ духовенствѣ. 29-е посвятилъ осмотру Алексина Бора и потомъ въ Анниной волости, 4 т. дачи погорѣлаго лѣса, и 30 вечеромъ пріѣхалъ къ Шиповымъ, въ Воспушку, изъ которой чрезъ Воршино, богатое Ставрово, 6 Іюля пріѣхалъ во Владимиръ и оставался въ Палатѣ до 25-го. 27-е былъ уже въ Тулѣ, а 29 съ моими въ Рябинкахъ, поѣхалъ на Козельскъ, чтобы быть въ Калугѣ 5 Августа. Прибылъ въ Москву 6, въ Петербургъ 8 Авг. во Вторникъ и былъ въ Совѣтѣ. Что я видѣлъ и что я нашелъ?

Я видѣлъ вездѣ дурно производимыя работы полевая, вездѣ слышалъ ропотъ на правительство, способный поколебать даже дѣйствительную привязанность къ династіи и отчизнѣ. Введеніе посредниковъ и учрежденіе обществъ убавили страховъ и точно содѣйствовали внѣшнему порядку, но это потому, что страхи были слишкомъ велики, и подъ ихъ вліяніемъ соглашались на всякія убыточныя сдѣлки. Не говоря объ обществахъ, которыя не будутъ же лучше казенныхъ, я долженъ, сказать, что дѣйствія посредниковъ, облеченныхъ de facto

дискреціонною властію, въ большей части, весьма односторонней и только при явной преклонности ихъ въ пользу крестьянъ, могутъ рассчитывать на довѣріе ихъ и тѣмъ снискать популярность, къ которой въ нашъ вѣкъ такъ падки и самые посредники.

Крестьянъ драли или били въ Аткарскѣ и Кирсановѣ, въ Моршанскѣ и во Владимирѣ; но не подлежитъ сомнѣнію то, какъ мнѣ объявляли Д. П. Князевъ, А. В. Шереметевъ, С. П. Шиповъ, Н. А. Бутурлинъ и др., что посѣвы противъ прежнихъ, а съ ними и доходъ,—уже не говоря и неурожаѣ отъ засухи—уменьшены значительно, и что жнитво и уборка производятся небрежно. Большіе владѣльцы, по преданію обычнаго авторитета, еще находятъ послушаніе въ крестьянахъ и вниманіе у начальствъ; но что сказать о мелкопомѣстныхъ, о Малороссійскихъ хуторкахъ?

Дурное право, такъ абсолютно и незапно отмѣненное, мститъ за прошедшее, и иногда назойливость дѣвки или бѣфетчика таковы, что вывороченный порядокъ отношеній перепуталъ въ старыхъ головахъ всѣ понятія, и я видѣлъ собственными глазами, какъ старики, обѣщавшіе долгую жизнь, терялись, упали духомъ и тѣломъ и когда-то осанистые и гордые, клонились долу, думали и говорили о могилѣ.

Я не видѣлся съ гг. министрами и не знаю, понимаютъ-ли они, что предназначенные два года есть послѣдній срокъ законности, правомѣрности и огражденій хозяйственности быта, послѣ котораго всякое соглашеніе, при невѣжествѣ народа, будетъ принужденіемъ и всякая сдѣлка—уступкой. Парализовавъ власть помѣщичью, не образовавъ и не назначивъ новой, правительство много повредило и вредить порядку и хозяйственному быту, не преподавъ хорошей инструкціи (какъ думали и говорили) посредникамъ, которые теперь поставлены въ необходимость искать популярности, чтобы заслужить довѣріе массъ, невольно внушающихъ опасеніе.

Должно удивляться одному: какъ до сихъ поръ мало возвысились цѣны и какъ въ настоящее время есть покупщики на земли (впрочемъ не населенные). Изъ этого простой выводъ тотъ, что дѣла еще вовсе не такъ плохи, какъ говорятъ, думаютъ и предполагаютъ, особенно предполагаютъ Петербургскіе дѣльцы. Невозвышеніе цѣнъ объясняется рѣдкостію денегъ.

Я впрочемъ мало былъ досуженъ для изученія этого вопроса. Я былъ занятъ ревизіей губерніи и долженъ сказать объ этомъ съ нѣкоторою подробностію. Говоря въ шутку, Владимирская губернія—южная

половина—живетъ воровствомъ, а сѣверо-восточная—мошенничествомъ. Тамъ лѣсъ, здѣсь миткаль. Но говоря безъ шутки, благоденствующая губернія въ переходномъ состояніи, и истребленіе лѣса и развитіе пароваго производства грозятъ промысламъ упадкомъ. Только усиленная производительность уравниваетъ интересы.

Управление государственными имуществами отличается исправностію денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, народъ дѣятеленъ, управленія бдительно „выбиваютъ“ подать, и мѣстныя заработки весьма прибыльны. Но за тѣмъ отдѣльное наше вѣдомство—*status in statu*—обходясь весьма дорого, для народа не только бесполезно, но даже вредно.

Главный недостатокъ, который обнимаетъ всѣ прочіе, это водвореніе огромной письменности въ средѣ безграмотнаго народа. Писарямъ и головамъ изъ писарей—это раздолье. Подтверждая однако, что развитіе письменности дѣлается для поборовъ (по Питерской замашкѣ), я долженъ подтвердить и то, что прежде поборы дѣлались и безъ этого, слѣдовательно успѣхъ состоитъ въ томъ, что для взятки уже нужна законность, формальность, бумага. Впрочемъ поборы производятся и другими путями, и главнѣйшихъ причинъ этому три: 1, неопытность вообще плохаго личнаго состава управленія, 2, неопредѣленность податей и повинностей и 3, сверхсмѣтные сборы.

Бывшій управляющій Калачовъ, помѣщикъ изъ военныхъ, окриленный полномочіемъ министра, объѣзжалъ губернію и какъ хозяинъ замѣтилъ разныя несообразности; здѣсь нѣтъ училища, нуженъ магазинъ, необходима церква, а здѣсь, тамъ (мѣстахъ въ 200) полезно бы распланировать селенія и перенести усадьбы. Можно себѣ представить, какой погромъ произвело это во всемъ населеніи. Я былъ атакованъ жалобами. Денегъ ни на училища, ни на церкви крестьяне не даютъ. Но ихъ строятъ, точно также какъ и магазины, и строятъ и работаютъ, особенно по лѣснымъ негодамъ не смотря на то, что работы по мѣстнымъ дорогамъ чрезвычайно возвысили цѣны. и безъ того мелкія въ промышленной губерніи. Неблаговременныя затѣи эти обходятся крестьянамъ по крайней мѣрѣ 50% дороже обыкновеннаго времени. Вообще личный составъ набранъ по протекціи, а новый управляющій слабъ, болѣзненъ, малосвѣдуецъ и тупъ. Есть чиновники изъ морскихъ офицеровъ, изъ саперовъ, даже изъ артиллеристовъ, даже изъ медиковъ. Почти вся канцелярія Палаты изъ семинаристовъ. Должно однако замѣтить, что и такъ приготовленные дѣльцы и блюстители сидятъ на мѣстѣ годъ и менѣе. Удивляешься, какъ еще управленіе и такъ идетъ, какъ идетъ.

Въ дѣлахъ Палаты совершенный застой. Расквитавшись съ ревизіей въ лѣто 1857 г., когда министръ проѣхалъ по большой дорогѣ и въ сутки обревизовалъ все управленіе, Палата дѣлами пріостановилась, а начала мѣнять чиновниковъ и вводить новые порядки.

Къ довершенію этого застоя и моего раздраженія, я нашель управленіе въ преобразованіи, и при замѣщеніи 55 (вмѣсто 27) волостей кой-какъ набранные писаря и головы еще такъ мало привыкли къ дѣлу, что мнѣ приходилось, какъ говорится, учить ихъ азбукѣ. И это управленіе существуетъ съ 1838 г., и такъ оно ведется въ лучшей губерніи, и вотъ кто распоряжается государственнымъ имуществомъ!

Въ губерніи съ 1856 г. введена подоходная система податей, по которой въ нѣкоторыхъ волостяхъ Вязниковскихъ, Ковровскихъ и Покровскихъ подать съ промысловъ доходить до 50 и до 100%. Жалобы на нее общія. Обширная Алексинская волость (52 деревни) отказывается составлять раскладочные приговоры. „Мы будемъ платить по приказу, но не по своей раскладкѣ“. Они этимъ выражаютъ свою оппозицію.

Ни количество, ни пространство ни земель, ни лѣсовъ не извѣстны, и назначенный въ 1858 г., учетъ земель производится полоумнымъ топографомъ Каверинимъ черезъ пенъ-колоду, такъ что конца предвидѣть нельзя, ибо здѣсь вмѣшались рекогносцировки (мѣстные повѣрки въ натурѣ) и содѣйствіе землемѣровъ, которые и своего дѣла не кончаютъ, а можно предвидѣть развѣ одну запутанность въ плановомъ архивѣ, ибо по данной министерствомъ инструкціи раздѣленіе разрядовъ означено сбивчиво. Палата не имѣетъ понятія объ этомъ дѣлѣ и въ немъ не участвуетъ.

Зло заключается въ томъ, что Петербургъ ничего не знаетъ о мѣстности, а мѣстные чины, противъ которыхъ никто не спорить, лѣсничіе-спеціалисты болѣе нежели сомнительной честности. Они, эти лѣсничіе, назначаютъ лѣсосѣжки гдѣ хотятъ, лишь поболѣе выручить. А изъ этой выручки казна едва-ли получаетъ половину стоимости. Произвольное назначеніе лѣсосѣжекъ дѣлается потому, что управленіе не знаетъ пространства лѣсовъ и назначаетъ ихъ по сдѣлкамъ съ мѣстными торговцами. Управленіе руководствуется двумя таксами. Одна для собственнаго обихода, другая для отвода Петербургскихъ блюстителей, съ поддѣлкою 25%. По многимъ лѣсосѣлкамъ проданная площадь не составляетъ и половины вырубленной, и здѣсь въ сдѣлкахъ лѣсничихъ участвуютъ съ лѣсничими и стражники. Торги назначаются для проформы, за мѣсяць, за недѣлю дѣлается публикація. Иногда мѣстные лѣсничіе не знаютъ гдѣ назначена рубка.

А какой глухой гулъ отдается изъ Россіи въ Петербургъ! И какъ напряжено вниманіе и слухъ и воображеніе всего правительства при каждомъ событіи, при малѣйшемъ шумѣ и говорѣ! Вы просите конституціи—вотъ вамъ конституція. Уступчивости, снисхожденію конца нѣтъ. Польша и Финляндія протестуютъ, сдѣланныя уступки уже не удовлетворяютъ ихъ. Въ западныхъ губерніяхъ учреждены для манифестаціи особыя коммисіи (по мысли Валуева, но глупую преамбулу писали чиновники канцеляріи Комитета Министровъ) и дана воля мѣстнымъ начальникамъ объявлять гдѣ нужно военное положеніе. А оно тамъ нужно. Народъ толпится какъ въ Варшавѣ, и какъ тамъ толпа смѣется войску и начальству, поетъ патріотическіе гимны и бьетъ стекла. Предводитель дворянства гр. Тышкевичъ далъ пощечину генералу Назимову, когда-то любимому въ Литвѣ за дѣло Конарскаго. Канцелярія Комитета изготовила и общій (кажется временной или предварительный?) наказъ полиціи, придавъ это названіе просто на просто простому порядку требованію военной силы. Къ этому присоединяется еще затрудненіе: безпрестанно являются подметныя печатныя воззванія. Я читалъ два: Великороссамъ—небольшое и невыразительное, напечатанное плохо, кажется, въ ручной типографіи, и большое, въ два листа, напечатанное кѣмъ нибудь изъ изданной Будущности или Колокола. Это воззваніе, содержащее подробный разборъ нашего положенія и доказывающее необходимость перемѣны правленія и правительства, надѣлало много шума и, несмотря на наши привычки, произвело общій говоръ, страшные розыски, строгія угрозы. Впечатлѣніе его знаменательно. Многіе относятъ его къ великому князю Константину, отправившемуся къ Герцену въ Англію, другіе—къ дворской партіи, желающей устранить Государя, третьи (большинство) видятъ въ немъ емисаровъ тайнаго общества, соединившагося съ крамольствующими Поляками. Направленіе воззванія соціалистское, а иногда виднѣются въ немъ то Огаревъ, то Славянофилъ, написавшій въ 1854 г. „Русскому народу“. Эра, начатая Наполеонами и развиваемая Гарибальди, вторгается и къ намъ. Уступчивое правительство пойдетъ на уступки. Требованіе между тѣмъ разольется и подниметъ голову. У страха глаза велики, а у виноватаго всегда страхъ. Я полагаю, что конституція состоится; но я не умѣю себѣ представить, какъ она сокупить Финляндію и Польшу. Ихъ слѣдуетъ оставить при своемъ.

Меня поразили упадокъ духа министровъ Валуева и Муравьева, особенно послѣдняго. Онъ „боится, что безначаліе вездѣ и что мы близки къ раздробленію, что слабость власти обнаруживаетъ не только безсиліе, но и неумѣнье, что совмѣстное управленіе почти вѣхъ корен-

ныхъ учрежденій запутываетъ ходъ дѣлъ и даетъ поводы анархіи“. Министръ Княжевичъ озабоченъ неудачными торгами на вино въ Пензѣ и Курскѣ, сколько можетъ быть озабоченъ этотъ сытный начальникъ.

Меня поразило отсутствіе властей въ Петербургѣ. Все разтѣхалось по Россіи (никто однако не поѣхалъ на Западъ). Государь съ семействомъ въ Крымъ (и, говорятъ, ѣдетъ на охоту въ Кутаисъ), гр. Панинъ въ Кострому и въ Нижній, Княжевичъ на Югъ и на Востокъ, Наслѣдникъ до Казани съ самымъ явнымъ намѣреніемъ снискать популярность простонародья и молодаго поколѣнія. Онъ вытаскиваетъ хлѣбы лопатою, солить огурцы и строгаеть кожи, посѣщая клетки и харчевни, братаясь съ толпою и сидя на лавкахъ студентовъ. Для чего ради гибель сія бысть? Не вызовутъ-ли всѣ эти мѣры болѣе нежели требуютъ дѣло? И удовлетворится-ли оно этими манифестаціями, если оно требуетъ?

Я немного завертѣлся. Представляющіяся впечатлѣнія съ 6 Мая кружатъ меня, и мнѣ кажется, что со мною кружится весь свѣтъ. Я всегда, давно находилъ, что преобладающее господство идей, началъ, при всѣми признанной необходимости въ послѣдовательности, въ логикѣ, не оправдало ожиданій, пробужденныхъ въ массѣ, и не подтвердилось въ дѣйствительности, которой разнообразіе опережаетъ теоріи.

Утвержденіе демократическаго начала обнимаетъ много, но обнимая такъ много, оно въ приложеніи, при логической послѣдовательности, ломить, давить и рѣжетъ. Оно требуетъ уничтоженія неравенства, оно отвергаетъ преданіе, оно не терпитъ наслѣдственности. Какъ же согласить его съ аристократіей крови, таланта, капитала? Какъ согласить его съ вѣрою, съ Божіею милостію, съ привычками? Какъ сопоставить его съ семействомъ, съ собственностію?

Къ нему же теперь примѣшался элементъ другаго порядка— національность. Не должно забывать, что начала, какъ и люди, имѣютъ страсти и не могутъ довольствоваться однимъ созиданіемъ (созиданіе для нихъ даже второстепенная цѣль): они разрушаютъ, пересоздаютъ и мстятъ, мстятъ даже прошедшему, могиламъ. Страсти началъ разнятся отъ людскихъ страстей только тѣмъ, что не имѣютъ никакого чувства, ни уваженія, ни признательности, ни состраданія, которыя мы видимъ въ самыхъ отчаянныхъ представителяхъ, въ Маратѣ и въ розыскѣ застѣнкомъ.

Я не знаю, не на томъ ли склонѣ пути нашего развитія находимся мы, бросивъ широкую волю массѣ. Общайтесь меньше, давайте больше. Трудно себѣ представить, какъ натянуты отношенія и положеніе нашего великаго сословія послѣ незапнаго перехода отъ крѣ-

пости къ волѣ собственниковъ. Не говоря о повсемѣстномъ затрудненіи уставщиковъ грамотъ, не говоря о спорахъ Авдія Шипова съ гг. Селифонтовымъ и Моложцами, достаточно указать на сознаніе открытыхъ сторонниковъ и дѣятелей новаго порядка, напр. письма Безобразова (въ „Вѣкѣ“¹⁾), чтобы удостовѣриться, что новый порядокъ вводится безъ приготовленія, наобумъ, фантазируетъ и шутить. Съ массами шутить нельзя. Это неблагоприятно, это недостойно. Если право и люди дозволяютъ, то Богъ не попуститъ, чтобы невозбранно и безнаказанно легкомысліе, своекорыстіе и увлеченія творили правду и неправду по своему, а не по законамъ опыта и сильной предусмотрительности.

Младшая изъ государственныхъ силъ (литература) и младшіе изъ молодаго поколѣнія (студенты) продолжаютъ напирать на власть и шлютъ депутацію (Краевского, Громеку и гр. Купелева), чтобы защитить литератора Михайлова, арестованнаго по дѣлу о прокламаціяхъ, а студенты представляются генералу Филипсону и требуютъ отъ него вступительной рѣчи и оставленія студентской кассы въ распоряженіи студентовъ²⁾. Общество—довольно закрытое и сомкнутое—принимаетъ на себя пособлять бѣднымъ литераторамъ, общество же устраиваетъ концерты и спектакли, чтобы пособить студентамъ, число которыхъ Комитетъ (гр. Строгановъ, гр. Панинъ и кн. Вас. Долгорукій) думалъ сократить денежными взносами, безусловно обязательными. Столкновенія общественнаго мнѣнія съ правительствомъ безпрестанны, и достаточно назвать когонибудь генераломъ, губернаторомъ, чтобы его назвали дуракомъ и негодяемъ. Безцеремонность выраженій приходитъ въ лучшія гостинныя.

Выборъ губернаторовъ исключительно падаетъ на военныхъ. Я не знаю мыслей Валюева, но думаю, что это дѣлается подъ влияніемъ опасенія земскихъ замѣшательствъ. Если съ этими господами можно ожидать тишины, то не думаю, чтобы они водворили законность, а она теперь нужнѣ всякаго полицейскаго усмирения. Теперь, при

¹⁾ Студенты очень недовольны установленіемъ для каждаго факультета особыхъ билетовъ, безъ которыхъ посѣщенія лекцій не дозволяется. Рошцуть также и на обязательность платы. Университетъ закрыть.

²⁾ Какъ мало сохранился прежній хозяйственный порядокъ, смотри „Письма съ дороги“ Мельгунова и письмо помѣщика Кисловскаго въ С.-Пбргск. Вѣдомостяхъ въ Августъ—Октябрѣ 1861, письмо Бездомнаго въ Москов. Вѣдом. 3 Октября № 214. Письмо г. Чижевича, въ Московск. Вѣдом. 14 Октября 1861 № 224. Письмо Калужанина въ С.-Пбргск. Вѣдомост. 4 Ноября 1861 № 245. Возвращеніе домой. Моск. 31 дня 1861 г. № 249. С.-Птрб. Вѣд. 14 Декабря 1861 № 277, о барщинѣ 1861 г. А. Роопа,

переходномъ срокѣ, даже желательнo бы было вызвать и разобрать недоразумѣнія порядкомъ законнымъ, а не военнымъ. Въ 1863 году убѣжденія будутъ упорнѣе. Главное дѣло въ томъ, что съ гласностію несомнѣтенъ авторитетъ власти, съ этою гласностію несогласный. Правительство шагъ за шагомъ теряетъ довѣріе, и личность Государя не внушаетъ никакой увѣренности.

Поразительно мнѣніе Гентца о лучшихъ людяхъ Вѣнскаго конгресса, эпохи 1815 года.

Демократъ всегда готовъ сдѣлаться Эпикурейцомъ, даже безъ *in-llc Elsneg*; но дѣло въ томъ, что при такихъ дѣятеляхъ могъ-ли порядокъ 1815 года—*de jure* продолжающійся даже до сего дня—ожидать другого, какъ выразились событія по мѣрѣ развитія поколѣній, черезъ 15 лѣтъ, въ 1830 г. еще поколѣніе, въ 1848,—еще поколѣніе—въ 1860. Паровой вѣкъ уменьшаетъ сроки. Да, но г.г. Гентцы, такъ свысока смотрящіе на правителей міра, не несутъ-ли за нихъ и за себя двойной отвѣтственности за свою двойственность, за безсиліе убѣжденія, за своекорыстныя стремленія и матеріальныя цѣли, которыми они служили до самоуничтоженія?

А вы, господа Огаревы („Къ молодому поколѣнію“) и Герцены („Что нужно народу“ Колоколь, листъ 102), такъ легко порицающіе людей правительства и такъ полновластно организующіе Русское царство, не несете ли и вы двойной отвѣтственности, рассылая по всѣмъ вѣтрамъ возмутительные листы, выражающіе болѣе ваше личное негодованіе, нежели долго и добровольно обдуманную мысль патріота?

Прокламаціи эти, во множествѣ экземпляровъ, привезены изъ заграницы и, несомнѣнно, перепечатаются и здѣсь. Надобно стать во главѣ движенія, но для этого нужно его опередить. А на чемъ же остановиться, опережая движеніе?

Сегодня былъ „бунтъ студентовъ“. Еще вчерась они сходились и выломали двери, вызвали ректора (Срезневскаго), требуя представительства его объ отмѣнѣ платы, объ отмѣнѣ билетовъ, объ оставленіи кассы въ ихъ распоряженіи. Сего дня, прійдя въ университетъ, они нашли его запертымъ и на дверяхъ объявленіе, что вслѣдствіе повторившихся безпорядковъ лекціи прекращаются впредь до дальнѣйшихъ распоряженій начальства. Молодежь собралась на дворъ и держала рѣчи. Особенно отличился ораторствомъ одинъ изъ офицеровъ, вольный слушатель. Положили идти къ попечителю и просить объясненія. Толпа уже собиралась у воротъ зданія. Колонна молодыхъ людей, числомъ до 3 или 4 сотъ человѣкъ, двинулась, къ ней присоединились два курса

Медикохирургической Академіи, нѣсколько офицеровъ, статскихъ и главное—любопытныхъ, такъ что процессія заняла весь Невскій Проспектъ и, идя къ Владимирской, въ Колокольный переулокъ, гдѣ квартируетъ генераль Филипсонъ, увлекала съ собою встрѣчныхъ и поперечныхъ, разросшись до 5 тыс. человѣкъ. Полиція уже приняла свои мѣры, оповѣщены войска, явилась пожарная команда, батальонъ стрѣлковъ и когда студенты подошли къ дому, ихъ ожидалъ полицмейстеръ, и молодая фаланга окружена была вооруженною силою. Попечителя не было дома, онъ отправился было въ университетъ, но воротился и сказавъ, что здѣсь не мѣсто объясняться, сталъ во главѣ колонны, вмѣстѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Паткулемъ, и тою же дорогою повели ее въ университетъ. Туда же прибылъ генераль-губернаторъ. Отъ студентовъ истребована депутація, и начались переговоры въ сѣняхъ университета. Окончательно генераль Филипсонъ отвѣчалъ, что прекращеніе лекцій признано нужнымъ, чтобы имѣть время сдѣлать нужныя приготовления, но что онъ надѣется открыть университетъ 2 Октября.

Если эта исторія не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ о прокламаціяхъ, въ привозѣ и распространеніи которыхъ арестованный литераторъ Михайловъ уже сознался, то не подлежитъ сомнѣнію, что молодежь дѣйствовала по вліянію Польскихъ студентовъ, составлявшихъ большинство шумной процессіи.

Есть-ли это искусственное возбужденіе страстей или раздражительное пробужденіе духа общественности, сказать нельзя. Я думаю и то и другое вмѣстѣ, соединившись съ броженіемъ преобразованій, начатыхъ и исполняемыхъ на выворотъ. Деморализація общества дурнымъ правительствомъ дошла до того, что общество не имѣетъ никакого уваженія и никакого довѣрія къ правительству, готовое бросить въ него грязью за всѣ бездѣльные поступки, выдвинутые на свѣтъ Божій тайною и явною гласностію, а вороватое правительство, при сознаніи этихъ поступковъ, не можетъ имѣть ни достоинства, ни энергіи и основывается только на правѣ силы, всегда слабѣй въ схваткахъ съ массами. Всѣ обвиняютъ Путятина и Филипсона.

Анархія доходитъ до того, что правительственныя лица посылаютъ статьи Герцену и кн. Долгорукову въ Колоколъ и Будущность, и что правительственныя типографіи печатаютъ памфлеты на правительство, какъ напр. „Для тѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ“. Брошюра напечатана здѣсь въ почтовой типографіи, по распоряженію чиновника Чанова. Писана она, кажется, Арсеньевымъ. Выражая сочувствіе къ Польшѣ, она самымъ безцеремоннымъ образомъ порицаетъ бездарныхъ

и дикихъ Русскихъ правителей, описывая всѣ униженія, которымъ подвергается наша власть въ Варшавѣ и западныхъ губерніяхъ.

Сегодня же вечеромъ я былъ у министра Валуева и нашелъ его чрезвычайно озабоченнымъ. Онъ выражалъ весьма ясно нетвердость своего положенія, ропталъ на интриги Буткова.

Не начать-ли мнѣ „исторію революціи, où elle a pu encore être dirigée?“

Всѣ винять правительство. Всѣ видятъ одинъ исходъ—дарованіе конституціи, и всѣ готовы признать законность переворота и необходимыхъ жертвъ, лишь бы безъ крови.

Сего дня сидѣлъ у меня д-ръ Французъ-русскій, Адольфъ Шренкфельсъ-Шаковъ, нашъ родственникъ. Онъ провелъ 5 лѣтъ на Кавказѣ, и объ немъ была рѣчь продолжительная. Чтò это должно быть за управленіе! Лѣность, безпечность, непотизмъ, фаворитизмъ и безотчетный произволъ въ распоряженіяхъ и въ расходахъ. У Князя огромная власть, личная дружба Государя и личная самоувѣренность, для которой, въ Кавказскихъ его окружающихъ, нѣтъ возможности и тѣни противорѣчія. Узда вообще нужна не для того, чтобы сдерживать и останавливать, но чтобы править. Конь, и не Русскій степной и не Кавказскій горный конь, безъ узды, увлечется неволью въ даль, въ безвыходныя ущелья и увлечетъ за собою весь табунъ. Я вѣрю, что тамъ должно быть управленіе еще хуже нашего, а наше я знаю въ Петербургѣ и въ губерніяхъ. Особенно оплошно оно въ настоящее время. Когда подняли крѣпостной вопросъ, атмосфера наполнилась испареніями весьма неблагоприятными, и всѣ готовы были, зажавъ носъ и уши, бѣжать, а кто не могъ бѣжать, сталъ думать какъ бы себя обезпечить, чтобы въ случаѣ нужды можно было тоже убѣжать. Едвали когда нибудь чрезвычайныя награды деньгами были такъ часты, велики и жирны, какъ съ 1857 года. Время важное, конечно, и награды стоить. Реформы дѣлаются превосходныя, только дѣлаются онѣ дурно. Одинъ крѣпостной вопросъ и гласность обнимаютъ преобразование цѣлой революціи и такъ обширны и способны на дальнѣйшее развитіе, что, при лучшемъ правительствѣ, мы безостановочно и мирно дошли бы до всѣхъ завоеваній 1791 года.

Личный характеръ Государя есть первая и главная вина слабости нашего правительства. Онъ кончитъ конституціей и будетъ жалѣть, что не ею началъ. Безотвѣтственность власти увлекаетъ насъ въ безвыходную даль и дебри. Съ крѣпостнымъ вопросомъ и гласностію едва устоять и твердому правительству, не только нашему, а наше—ни въ полиціи, ни въ судахъ шагу не дѣлаетъ, тогда какъ требованія далеко

определили возможность, одушевили все молодое поколѣніе, поднимають его въ университетахъ и академіяхъ, далѣе въ полкахъ и канцеляріяхъ и проникають въ массы. Какъ и чѣмъ ихъ сдержать безъ судовъ и полиціи?

Аресты студентовъ продолжаются. Студенты подчинены исключительно городской полиціи; университетское начальство прекратило съ ними всякое сношеніе. До 7 Октября они имѣютъ подавать прошенія о выдачѣ имъ матрикуль чрезъ городскую почту бесплатно. Черезъ городскую почту они получаютъ отъ ректора и отвѣтъ. Молодые люди положили: не подавать прошеній. Съ 5-го Октября университетъ (ректоръ П. Плетневъ) распорядился, чтобы стипендіаты обращались за стипендіями въ общую полицію по частямъ и кварталамъ города. Униженіе это, упадающее преимущественно на бѣдныхъ, глубоко оскорбляетъ студентовъ, и они положили сдѣлать складчину для стипендіатовъ. Въ канцеляріи Сената, въ министерствахъ дѣлаются подписки въ пользу студентовъ для оказанія имъ денежнаго пособія и для выраженія имъ сочувствія. Солдатъ и полицейскихъ замучали нарядами. Они злятся на бунтующихъ. 2 Октября весь день былъ разведенъ мостъ дворцовый, и ропотъ на затрудненія въ сообщеніяхъ обращаютъ къ тѣмъ же бунтующимъ. Дѣятельность Игнатьева, Паткуля и гр. Шувалова, а за ними и комендантовъ и полиційместеровъ такъ велика, что при сборищахъ и по ночамъ арестовано студентовъ, офицеровъ и чиновниковъ болѣе 200 человекъ. Много освобождено, много снова взято. Многіе однофамильцы и схваченные случайно, какъ коноводы, сидѣли и выпущены; другихъ отыскиваютъ, подозрѣвая связь съ дѣломъ о прокламаціяхъ и съ Поляками. Мнѣ всего прискорбиѣ здѣсь то, что Шуваловъ и Паткуль отзывами солдатамъ о студентахъ возстановляютъ толпу противъ высшихъ сословій, и дѣйствіями грубой полиціи оскорбляютъ благородныя чувства молодежи.

Я прочелъ „Жизнь М. М. Сперанскаго“ бар. Корфа. Чтò сказать? Мои послѣдовательныя замѣчанія видны на поляхъ и въ концѣ главъ книги, но сказать-ли? Я былъ поглощенъ этимъ чтеніемъ, хотя знаю, что тучи уже гремятъ за представленіе моей ревизіи (по лѣсному управленію Владимирской губерніи), ищу, ропщу и допрашиваю біографа о томъ, о другомъ и о третьемъ—и не нахожу отвѣта. Отвѣта нѣтъ. Баронъ Корфъ не писатель, а съ претензіями писателя. Это не ученое сочиненіе, а литературное, журнальное, и въ этомъ значеніи книгъ недостаетъ художественной отдѣлки; богатые матеріалы едва приподняты, возрѣнія біографа, вообще гуманныя и довольно возвышенныя, робки, часто опираются на неопредѣленные авторитеты и

особенно не отчетливы въ вопросахъ спеціальныхъ. Безпрестанно перерывъ, черта, цифра, безпрестанно анекдотцы, характеристики; ненужныя выписки нарушаютъ цѣлость и спокойствіе вниманія. Видѣнь иногда вкусъ фразера, замашки беллетриста. Жаль! Но вообще книга въ высшей степени интересная, и баронъ Корфъ заслуживаетъ отличной за нее благодарности, какъ за трудъ біографа, такъ (и особенно) за сообщеніе многихъ свѣдѣній большой важности. При лучшемъ изданіи и съ дополненіями и комментаріями книга эта будетъ дорогимъ источникомъ для просвѣщенія историка первой четверти XIX ст. нашего правительства. И въ Кочубеѣ (разговоръ его съ Масальскимъ послѣ ссылки Сперанскаго) и Гурьевѣ (въ письмахъ въ Пензу и Иркутскъ) и Аракчеевѣ (всегда) видно много татарщины, какъ и въ самомъ управленіи, даже въ самомъ героѣ (въ надменности его до ссылки, въ письмахъ изъ ссылки, Пензы и Сибири); но видна и гениальная Русская натура въ одномъ изъ ея представителей, младшихъ изъ того сословія, которое, послѣ крестьянства, наиболѣе сохраняетъ туземный элементъ народа. Благодарность М. А. Корфу. Онъ затронулъ многія стороны и вопросы времени. По окончаніи чтенія (5 Октября за полночь) я долго не могъ успокоиться отъ душевнаго водненія. Меня тяготили мысли о правленіи и правительствѣ, въ которыхъ, по словамъ императора Александра, министровъ Кочубея, Гурьева и Канкринна, и судя по жизни самого Сперанскаго, гибнуть, упадая и мельчая, лучшія природы народа, и о слабости человѣческой, которая проявляется и гнететь, въ этой средѣ, даже гениальныхъ людей.

Точки Богу угодно Но ты сказала, юноша, что Богъ непосредственно не промышляетъ о человѣкѣ Данъ разумъ Ломоносовъ осмѣливается и Богу не повиноваться, доколѣ этотъ разумъ Имъ не отнять Разумъ Чтò есть Истина? Чтò есть Разумъ? Мнѣ было тяжело и грустно. Сперанскій родился на 1 Января 1772 г. Умеръ 11 Февраля 1839. Житіе его было 66 л. и 43 дня. Изъ нихъ 20 л. онъ учился, 10 лѣтъ въ изгнаніи, тоже учился. Итого 30, а 36 посвящены служенію государственному съ величайшею пользою, какой не принесли ни В. Голицынъ, ни Меншиковъ, ни Бестужевъ-Рюминъ, ни Шуваловъ, ни Потемкинъ и Безбородко, ни Аракчеевъ. Этотъ семинаристъ (баронъ Корфъ преслѣдуетъ его такимъ именемъ съ колыбели до гроба) былъ колоссальныхъ способностей, и я сдѣлаю очеркъ его многоплодотворной исторической дѣятельности. Если бы онъ жилъ въ государствѣ зрѣломъ, въ правительствѣ и обществѣ установившихся, то нѣтъ сомнѣнія, что необыкновенныя его дарованія нашли бы болѣе благодарное поле дѣятельности,

и организационный умъ его, болѣе покойный и сосредоточенный, создалъ бы порядокъ вещей прочный и усвоенный мѣсту и обстоятельствамъ. Онъ не имѣлъ бы такого широкаго поприща и такого разнообразія въ занятіяхъ, ни такой свободы въ выборѣ и примѣненіи ихъ, но за это стоялъ бы тверже, дѣйствовалъ съ терпимостію и достигалъ цѣли вѣрнѣе. Три эпохи въ жизни Сперанскаго выразились рѣзко и систематически. Еще студентомъ, онъ записалъ въ календарѣ своемъ въ 1799 г. „Богъ непосредственно о человѣкѣ не промышляетъ. Ему данъ Разумъ“. Этотъ матеріализмъ во Владимирскомъ семинариствѣ того времени изумителенъ своимъ величіемъ. Потомъ, пройдя служительскую-писарскую должность государственный секретарь докладываетъ Императору о прекращеніи „самовластія“. Онъ почти сказалъ „самодержавіа“. Это было въ 1810 г. Наконецъ, по возвращеніи изъ Сибири, поклонникъ Французскаго бюрократизма, пришелъ къ убѣжденію: удостовѣрять личную власть совѣтами т. е. коллегіальностію. Это было въ 1820 годахъ. Во всемъ этомъ много самообольщенія. О „разумѣ“ Сперанскій уже упоминаетъ рѣдко и въ послѣдствіи все или все почти относитъ къ случайностямъ, превратностямъ и милосердію Провидѣнія. О „самовластіи“ онъ уже не упоминаетъ, она проявляется на каждомъ шагу. Естественно, что при немъ „совѣщательность“ далеко не отвѣчаетъ заданнымъ ожиданіямъ. Совѣтуютъ чтò велятъ и хотятъ. Какъ въ 1810 годахъ, Сперанскій опередилъ поколѣнія, поднимавъ вопросы, едва ему извѣстные, и (хотя очень узко) практически выразившіеся въ указахъ 1809 г. и другихъ видахъ, изъ которыхъ впервые манифестъ 1810 г. и общій наказъ заговорили о гласности (даже бюджета) и отвѣтственности, такъ въ 1822 гг. Сперанскій отсталъ отъ современнаго поколѣнія, которое, познакомясь съ Европою (тогда какъ онъ былъ въ Азіи) думало уже о дѣйствительномъ прекращеніи самовластія, о дѣйствительной гласности, т. е. о конституціи. Заслуги Сперанскаго по „собранію и своду законовъ“ безъ Николаевской поспѣшности, могли бы быть гораздо плодотворнѣе, но онѣ велики, хотя отсутствіе юридическаго образованія государственнаго дѣятеля лишило эти заслуги славы Камбасерса, Кармера и Фейербаха. Во всякомъ случаѣ это былъ великій человѣкъ Россіи.

(Продолженіе будетъ).

